

Михаил ВИНОКУРОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ТРИБУНА:

ОБРАЗОВАНИЯ НЕ БЫВАЕТ МНОГО

Москва
ЗАО «СВР-Медиапроекты»
2014

**Социально-аналитическая еженедельная газета
«Аргументы недели»**

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Винокуров М.А.

В 49 ГРАЖДАНСКАЯ ТРИБУНА: Образования не бывает много. — М.: ЗАО «СВР-Медиапроекты», 2014 г. — 128 с.

ISBN 978-5-905667-49-7

Оградить высшую школу России от необоснованных нападок, создать условия для успешного вхождения отечественной отрасли высшего образования и науки в мировое образовательное пространство, модернизировать систему управления образованием, обеспечить большую свободу российским вузам и объективность оценки их деятельности — эти и другие актуальные задачи реформирования высшего образования России в острой публицистической манере ставит ректор Байкальского государственного университета экономики и права доктор экономических наук, профессор Михаил Винокуров.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

Издательство «СВР-Медиапроекты» продолжает знакомить читателей с работами известного российского публициста, доктора экономических наук, профессора, ректора Байкальского государственного университета экономики и права Михаила Винокурова. В 2011–2012 гг. нами были изданы две брошюры автора под общим названием «Гражданская трибуна»: С чего начать модернизацию России», которые получили высокую оценку читательской аудитории.

Новая книга М.А. Винокурова посвящена проблемам образования, реформирования высшей школы России. Несмотря на то что статьи и интервью по данной тематике публиковались в разное время и в разных средствах массовой информации, их объединяют внутренняя цельность позиции автора, доскональное знание им материала, патриотический настрой и оптимизм в видении перспектив развития отечественной высшей школы.

Книга М.А. Винокурова выходит в свет в преддверии очередного съезда ректоров России. Мы надеемся, что она будет позитивно воспринята как ректорским сообществом, так и всеми, кто заинтересован в восстановлении мощи России в сфере образования и науки.

Отзывы об изданной работе просим присылать по адресу: РФ, 125167, г. Москва, Авиационный пер., д. 4а.

Социально-аналитическая еженедельная газета
«Аргументы недели»
www.argumenti.ru выходит по четвергам

С САМОБИЧЕВАНИЕМ НАДО ПОКОНЧИТЬ

ПОРА ПРЕКРАЩАТЬ МАССОВЫЕ НАПАДКИ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВЫСШУЮ ШКОЛУ!

В Госдуме прошло совещание по вопросам законодательного регулирования образования и науки. Его участники обсудили то, как работает вступивший в силу 1 сентября 2013 года Закон «Об образовании в РФ», какие поправки в него необходимо внести, а также выступили с новыми законодательными инициативами в сфере науки. Специально для «АН» на вопрос «Без образования не будет и страны?» отвечает Михаил Винокуров, председатель совета ректоров вузов Иркутской области, ректор Байкальского государственного университета экономики и права, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

— **У** НАС сейчас со всех сторон — и в СМИ, и от депутатов, и из Минобрнауки — идет критика: в стране низкое качество образования, подготовки кадров учителей и т.д. Но, по-моему, пора прекращать массовые нападки на отечественную общеобразовательную и высшую школу!

С началом перестройки мы до того раскритиковали общественный строй, самих себя и свою страну, что страна развалилась. То есть собственными руками взяли и уничтожили страну!

Потом мы то же самое сделали с промышленностью — стали ее гнобить и говорить, что она способна производить только калоши, и промышленность уничтожили! И вот сейчас, я вижу, дружно уничтожаем высшую школу. Вместо того чтобы делать ее конкурентной, мы сами отталкиваем от себя абитуриентов. Получается, что мы перед всем миром занимаемся самобичеванием, как будто от этого выиграет и наша высшая школа, и страна в целом.

Сейчас идет много разговоров о реформе образования, которая проводится в стране, но в реаль-

ности изменения не столь значительны. Думаю, что нужен более интенсивный переход к совершенствованию системы образования.

Во-первых, мы смешали две системы – российскую и европейскую. У нас теперь появились бакалавры и магистры, но при этом остались техники, специалисты и кандидаты наук. И еще добавились академические степени. Сейчас у нас степеней в два раза больше, чем в Европе, то есть мешанина полная! Но если уж рас считали формулу, то ее надо доводить до конца. Например, зачем оставлять ВАК, которого нет в цивилизованных странах? Если уж мы пошли на коренную реформу, то Высшая аттестационная комиссия как рудимент старой административно-командной системы тем более не нужна.

Во-вторых, мы закрыли ряд высших учебных заведений, особенно те вузы, которые работали на регионы: педагогические, сельскохозяйственные и медицинские. А ведь они работают именно на региональные потребности и готовят учителей, агрономов, врачей. Но, согласно нынешней методике, которая существует при проведении мониторингов, эти вузы уступают общим показателям и, соответственно, попадают в волну по ликвидации.

Я считаю, что надо разделить вузы на две категории – федеральные и региональные, и именно регионам передать медицинские, педагогические и сельскохозяйственные институты.

Что касается нынешних рейтингов, то я в них не верю! Они не объективны потому, что не основываются на реальной базе данных и не отражают реальной ситуации в стране.

Я могу на конкретном примере показать, как искусственно завышаются все рейтинги московских вузов. В Москве жизненный уровень в два раза выше, чем в стране, и сюда за последующим рабочим местом приезжает лучшая молодежь. Вот и создается искусственно прецедент: московские вузы лучше. Но если бы разрешили бесплатно уезжать в Париж, то, я думаю, Москва упала бы в сравнении с Парижем.

Сейчас у нас один из главных показателей рейтингов вузов – это величина ЕГЭ при поступлении в вуз. Но вы представляете себе вуз в Магадане и вуз в Москве? Где будет вступительный рейтинг выше? Конечно, в Москве. Потому что это рента по местоположению, рента по жизненному уровню и т.п. Опять эта же искусственность!.. То есть то же самое, если, например, взять сельскохозяйственный вуз (так сказать, его реальную значимость) и

юридический университет (с его престижностью), то, конечно, абитуриент сейчас предпочтет юридический вуз.

Искусственные барьеры, которые существуют и которые не учитываются в рейтингах, по сути, нивелируют сами рейтинги, и я считаю, что на данный момент они просто не объективны.

Если сравнивать качество образования, скажем, в Москве и регионах, то где выше финансирование, там и качественнее образование. Если на одного ученика, например, в Костромской области будет выделяться больше денег, чем в Московской области, то, я думаю, в Костромской области и будет более качественное образование. Есть прямая логика: чем больше денег, тем лучше закрепляются учителя, тем они профессиональнее, тем лучше учебный процесс, аудитории и т.д.

То же самое и в профессиональной подготовке преподавателей. Сейчас наступила такая ситуация, что у нас практически не стало молодых учителей. Их «вымыли» низкие зарплаты, поэтому никто не хочет работать в школе. И сегодня управления образованием в районах и областях ищут пенсионеров и приглашают их, чтобы они, как говорится, встали у доски.

Что касается направленно-сти части российской молодежи

уехать за рубеж, то миграционные потоки – это естественное явление. Люди мигрируют туда, где лучше, – это всегда было, есть и будет. Если открыт рынок, открыты людские потоки, люди будут уезжать туда, где лучше. Условно говоря, из Магадана будут переезжать в Новосибирск, из Новосибирска – в Москву, а из Москвы – в Париж. Знаете, с точки зрения экономики это даже полезно: пусть люди ездят, учатся в разных странах и регионах. Правда, было бы здорово, если бы они возвращались...

Если бы мы учили за границей большое количество нашей молодежи, а потом они вернулись на родину, я бы это только приветствовал. Но у нас нет рабочих мест, где бы эти ребята были востребованы, и нет таких зарплат, какие нужно было бы им платить. И в большинстве случаев они, поучившись там, выучив язык и получив диплом, к сожалению, там и остаются.

Четыре месяца назад я разговаривал с заместителем министра образования Китая, и он рассказал, что в 2013 году полмиллиона китайцев уехали получать высшее образование за рубеж. Вы представляете, полмиллиона! Естественно, не бесплатно, а за деньги. И из этого полмиллиона 400 тысяч человек уехали в Америку по соглашениям и платят там не менее 20 тысяч дол-

ларов за год обучения. А мы сидим. Нам бы давно «сесть» на китайский рынок и тянуть их, ведь учителей-то (да и по другим профессиям) мы бы готовили не хуже, чем в Америке. Китайцы не боятся миграции потому, что у них люди уезжают учиться, а потом возвращаются. Поэтому Китай и развивается, резко прибавил в отношении жизненного уровня и т.п.

Что касается реализации нового закона об образовании, который 1 сентября прошлого года вступил в силу, то главное пожелание по его совершенствованию заключается в том, что надо все-таки дать свободу вузам, причем не столько даже политическую, сколько финансовую! Необходимо, чтобы вузы могли сами зарабатывать деньги и вкладывать их в свое развитие. Сейчас это невозможно сделать, потому что все изымается. Вуз не имеет своей собственности и лишен стимулов для развития.

Мы не можем открыть совместное производство с какой-

то фирмой, потому что законы запрещают. Вузы даже не имеют права обслуживаться в банках! А ведь для того чтобы, например, развить лабораторию или построить корпус, надо взять кредит. А без этого как развиваться?!

В советское время был принцип массового финансирования, а сейчас – подушевой. По сути, государство сегодня заинтересовано давать на образование как можно меньше денег! В советской системе, скажем, если был класс в деревне из шести человек, то его и финансировали. А сейчас зачем деньги давать? Закрывать надо.

Я бы восстановил этот советский принцип. Тогда мы снова дадим возможность всем детям – сельским, городским, малообеспеченным – получать образование, и не восьмилетнее, а полное среднее образование.

5 февраля 2014, 11:28
«АН-online»

С САМОБИЧЕВАНИЕМ НАДО ПОКОНЧИТЬ БЫСТРО И РЕШИТЕЛЬНО!

Государство, постоянно и публично унижающее самое себя, граждане, лишённые из-за этого естественного права гордиться собственным Отечеством, – одна из главных проблем сегодняшней России. При этом важность данной проблемы ничуть не меньше любой, допустим, экономической. Председатель совета ректоров вузов Иркутской области, ректор Байкальского государственного университета экономики и права, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Михаил Винокуров, оценив всю опасность этого идеологического «тренда», последовательно и системно пытается противостоять угрозе, однако, как он сам подчеркивает, здесь необходимы совместные усилия всех слоев нашего нынешнего общества. Какие именно усилия, в каких направлениях – об этом сегодня он размышляет на наших страницах.

Превратности исторического мазохизма

– Михаил Алексеевич, вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что без самокритики полноценная жизнедеятельность государственного организма вряд ли возможна...

– Разумеется! Зачем же опровергать очевидное? Но! Ровно так же никто, я думаю, не станет оспаривать и то, что между здоровой критикой и самоуничтожением, самобичеванием есть не

просто разница, между ними – гигантская пропасть.

А между тем приблизительно с конца 80-х годов прошлого века мы живем в жутковатом таком парадоксе. Приснопамятная перестройка начиналась с зеленого света для именно здоровой, разумной критики, критике по существу, критике конструктивной, главная задача которой – избавиться от недостатков, мешающих всестороннему, гармоничному развитию общества, развитию через совершен-

ствование граждан, это общество составляющих.

Однако довольно быстро названный критический аспект как-то незаметно, исподволь выродился в то самое совершенно деструктивное самобичевание. Результат катастрофический! Развал страны, развал СССР. При прочих равных, одна из самых страшных составляющих катастрофы — никто не то что бы не смог противостоять этому, попросту никто даже не захотел! Даже при наличии общегосударственного референдума, выдавшего на-гора однозначный результат о сохранении Союза.

И, увы, остается такое ощущение, что никто и не подумал извлечь уроков из всего этого. Практически то же самое мы с вами сегодня наблюдаем в Украине...

А дальше все пошло по накатанной. И вот уже мы на пороге пересмотра итогов Второй мировой войны. США уже в открытую, не стесняясь, провозглашают себя едва ли не единственными победителями. И вы знаете — я не сильно удивлен. Потому что мы сами сделали это возможным. Мы! Руками «историков», вынесенных на гребень волны общественного «успеха» в те же 80–90-е! Все эти псевдоисторические опусы на страницах перестроечного «Огонька»,

возглавляемого небезызвестным В. Коротичем, кстати, выходцем из Западной Украины. Сегодня эту роль «Огонька» пытается играть оплакиваемый либералами всех мастей телеканал «Дождь».

— Ну а господин Суворов, автор «Ледокола»?

— Враг чистейшей воды. Не побоюсь этого слова — изменник. Без строгого исторического анализа делать такие выводы, да это категорически неприемлемо... И ядовитый тезис о том, что это СССР развязал мировую бойню, теперь отныне многими (искренне или нет — другой вопрос) считается едва ли не аксиомой.

Что ж, увы и ах, но Штаты вполне справедливо могут праздновать (и празднуют) победу в холодной войне. Мы сами на блюде, как хлеб-соль, преподнесли ее им...

Вот такие они — «эффективные собственники»

— Развенчивание «исторических мифов» породило мифы другие, но упомянутое вами развенчивание касалось ведь не только истории, но прежде всего — экономики...

— Фактически это — две стороны одной медали. Избавиться, отречься от всего накопленного опыта. Ведь по мнению самых яростных «самобичевателей», в

Советском Союзе попросту не было экономики — вот до чего договорились. Не было — и все! Результат? В среднем 50%-ная зависимость (по ряду отраслей — еще и большая) от иностранного импорта. Кое-где (в частности, по закупкам станочного оборудования) — даже от Северной Кореи! Только вдумайтесь! Под сурдинку разговоров об эффективных собственниках ничего, кроме тупого захвата и растаскивания собственности, не получилось. Я думаю, сегодня любой житель России может почти исчерпывающе описать итоги приватизации по, не к ночи будет помянут, Чубайсу с его обещанными двумя «Волгами»... Спешно проведенная приватизация привела к тому, что большинство первичных владельцев собственности (получивших ее за бесценок) вследствие своей некомпетентности и алчности постепенно всю ее перепродали (через офшорные сделки) зарубежным компаниям.

И сейчас сложилась парадоксальная ситуация, когда, по разным оценкам, до 80% собственников нашего бизнеса — иностранцы. Это ненормально и сверхопасно. Вот они — бешеная утечка капитала и нежелание вкладывать прибыль в реконструкцию и модернизацию наших предприятий. Вывозится

даже амортизация. Например, любопытно, кто сейчас владелец наших гидроэлектростанций?

Приватизация промышленности, производственных мощностей принесла нам то, что принесла. И в глазах приватизаторов чубайсовского толка уже себя исчерпала. Поэтому взоры их обратились... Да-да, на науку и высшую школу.

«Реформирование» Российской академии наук под липовым предлогом ее неэффективности — очередная катастрофа, пока еще не до конца разразившаяся, однако без оперативных контрмер мы сильно рискуем исчезнуть с карты интеллектуальных государств. Чтобы понять липовость предложения разворовывания РАН, достаточно сравнить финансирование науки у нас и в США. Бюджет Российской академии составляет порядка двух-трех миллиардов долларов. В десятки раз меньше, чем за океаном! Разумеется — и, кстати, «реформаторы не особо-то это скрывают, — все дело в собственности академии, на которую зарились уже давно...

Как следствие наката на науку — накат на образование. Я тут недавно вашему же изданию изложил свою точку зрения по этому поводу: и здесь мы сами себя сечем, причем непонятно за что.

В настоящее время в прессе развернута кампания по дискредита-

ции высшего образования России. Некачественное образование, последние позиции в мировых рейтингах и т.д. И это на фоне жесточайшей конкуренции на мировом рынке образовательных услуг и борьбы за иностранных студентов. Сегодня доля России на мировом рынке образовательных услуг – менее 1%. Советский Союз занимал 2–3 строчку по количеству обучаемых иностранных студентов.

Разгромив сами себя, мы, по существу, лишились огромных доходов от экспорта образовательных услуг как России в целом, так и отдельных вузов в частности. Между тем в США экспорт образовательных услуг входит в первую пятерку ведущих экспортных отраслей. И было бы смешно, если бы американцы бичевали Гарвардский университет так же, как наши либералы шельмуют родной МГУ.

На недавней встрече представителей российской и китайской высшей школы, в которой мне довелось участвовать, оговаривались многие детали возможного сотрудничества. Полмиллиона китайских студентов были направлены в 2013 году на учебу за рубеж. Из них почти 400 тысяч – в США. Но китайцы отнюдь не отменяют наши вузы, в частности, педагогические. Они по многим параметрам для них

привлекательнее американских. Но горе-реформаторы точат зубы на недвижимость педагогических вузов, признавая их в массовом порядке «неэффективными». И к чему это привело? Уже сейчас наблюдается повсеместная нехватка учителей. Школа еще кое-как держится на кадрах пенсионного возраста, а в сельских школах учитель ведет по 3–4 предмета, включая английский язык и физкультуру.

Так что в качестве такого промежуточного резюме – **самобичевание, безудержное и основанное на фикциях и прямых подлогах критиканство надо срочно прекращать, направлять всю затрачиваемую на самоистязание энергию в конструктив**. Ибо уже маячит за всем этим последний рубеж – полное моральное разложение, несомое неолиберализмом со свободой сексуальных меньшинств и прочими «прелестями»...

Госплан – не жупел, а путеводный маяк

– **И с чего, по вашему мнению, лучше начать «выход из этого исхода»?**

– Думаю, многие со мною согласятся (и здесь я не слишком оригинален) – с возрождения экономики. Вот чего у нас никогда не отнять – и исторических

примеров тому воз и маленькая тележка – так это умения мобилизовываться. **А сейчас самое время вести речь именно о мобилизационной экономике**. Один из главных этапов – частичная национализация. Разобраться и навести порядок в основополагающих отраслях, в том числе и добывающих, особенно – в промышленных, наипаче – связанных с оборонным комплексом. Национализация – вопрос безопасности, сохранения суверенитета, ведь одно из чудовищных последствий обретения «эффективных собственников» заключается в том, что (если проследить всю цепочку правоустанавливающих документов) до 80 (!) процентов собственности перешло в руки иностранных хозяев. А это уже прямая угроза государственному суверенитету.

При этом, замечу отдельно, никто не исключает (после ревизии и наведения порядка) вполне возможной реприватизации, но уже на основе всестороннего анализа, с учетом всех тонкостей и нюансов, которые были зачастую сознательно упущены из виду в «лихие девяностые». Кстати, хорошо бы нам посмотреть на опыт Франции и Англии, где такие мероприятия проводились. Никакой идеологической подоплеки, только экономическая целесообразность и расчет.

Безусловно, усиление роли государства в экономике необходимо. Яркий пример тому демонстрирует нам та же Европа. Роль государства, как это многие неверно понимают, вовсе не в удешевлении полезных инициатив. Государство – разумный регулятор, предотвратитель кризисных острых ситуаций. Не более, но и не менее. Сегодня у нас, увы, государство в экономике присутствует исключительно формально. Оно не только и не столько должно «входить» через какие-то пакеты акций, «свадебное генеральство» своих представителей в советах директоров и т.п. Оно должно именно полноправно и эффективно регулировать экономику и управлять ею.

В этом смысле – и я уже неоднократно озвучивал данный тезис – я считаю целесообразным возрождение Госплана, нашего национального изобретения. Нет, не в качестве органа директивного управления и регулирования все и вся до последнего гвоздя, а в качестве индикативного (рекомендательного) планирования и прогнозирования, что было заимствовано, кстати говоря, многими европейскими и азиатскими странами. У нас на это формально «заточено» Минэкономразвития, однако оно полностью лежит под Минфином и в целом своего существования не

оправдывает. А это неправильно. Китай наглядно демонстрирует нам, как именно должно осуществляться грамотное государственное планирование. И чем быстрее мы последуем его примеру (разумеется, с учетом наших отечественных реалий), тем лучше.

Еще один важнейший момент — выход из ВТО. Не надо этого бояться. Бояться надо пребывания там. Наша экономика объективно слабее, мы не готовы к жесткой конкуренции — нет ничего плохого в том, чтобы признать эту объективную истину. Созреем — вернемся к этому вопросу, а роль дойной коровы Россию устраивать никак не может. Неутешительные итоги развития экономики 2013 года — первая «ласточка» нашего скороспелого вступления в ВТО, а последующие 2–3 года могут стать катастрофой. Вследствие непродуманного вступления в ВТО происходит отчуждение отечественных предприятий на собственной территории. Мы, не обновив капитал, не проведя модернизацию и диверсификацию производства, как всегда на авось, бросились в мировой рынок.

Либералы не учитывают даже такой элементарный факт: мы — северная страна, и себестоимость у нас во многих произ-

водствах естественно выше процентов на 15–20 из-за больших затрат вследствие сурового климата. Раньше мы это компенсировали за счет более низких цен на сырье для своих производителей, но ВТО и наши либералы требуют и здесь установления мировых цен.

Есть еще масса вещей, не буду вдаваться в подробности. У меня недавно вышла книга «Роль государства в корректировке модели экономического роста России», где я подробно и последовательно все изложил...

— Наверное, в данную концепцию укладывается и административная реформа, о необходимости которой так много говорилось и говорится. Совсем недавно глава правительства Дмитрий Медведев озвучил идею о переносе головных офисов госкорпораций на Дальний Восток...

— Не поддамся ложной скромности (*смеется*), но премьер-министр почти дословно озвучил мою идею, которую я изложил в специально подготовленной записке и передал его помощнику во время пребывания их в Иркутске три года назад. Вопрос давний, однако актуальность его только повысилась. Наши отраслевые министерства — по сути аналоги крупных западных корпораций. Смешно, если бы штабы американских автомобильных

и нефтяных корпораций находились в Вашингтоне. Ведомство, отвечающее за ту или иную отрасль, просто обязано находиться там, где сосредоточены объекты его заботы. Если это рыболовство — что тебе делать в Москве? Будь на Дальнем Востоке. Если добыча нефти — твое место в Сибири. Смешно или, наоборот, плакать хочется, когда видишь как Москва и Санкт-Петербург борются за место штаб-квартиры «Газпрома», хотя весь газ добывается в Сибири. Идет откровенное перетягивание сибирских денег регионами, которые к газу никакого отношения не имеют. И так по всем отраслям. Сибирь и Дальний Восток — наше будущее. Без них Россия, по сути, уподобляется Украине с ее гонором и претензиями на европейский уровень жизни.

— Экономика — понятно, а опять же, наука и образование?

— Если оставить в стороне эмоции — реформирование РАН, конечно же, необходимо. Но отнюдь не в том виде, в каком это происходит сейчас. Не жажда «отнять и поделить» должна руководить ответственными людьми, а поиск разумных путей вывода российской науки на позиции, которые были ей ранее присущи. Один из магистральных путей — обеспечение ученых заказами. У науки нет бы-

строй практической отдачи — утверждают некоторые. Это верно лишь отчасти. У нас, к примеру, доля финансирования науки о здравоохранении в общих научных затратах — 2%, в США — 22%. А если учесть абсолютные размеры финансирования, то это в сотни раз больше. Результат — одна из наибольших в мире продолжительность жизни населения США. У них ученые завалены заказами, в том числе заказами частных компаний. Но у нас где эти заказчики?

И так — по всем отраслям. Никто же не говорит только исключительно о величине сумм — выстройте нормальную систему финансирования, все встанет на свои места.

В сфере образования никто не мешает ликвидировать образовавшийся (увы, не в нашу пользу) разрыв. Усиливайте кооперацию с иностранными учебными заведениями, посылайте ребят на учебу за границу — с условием обеспечения их работой после возвращения домой. Пусть привозят все лучшее. Уже неоднократно упомянутый Китай напропалую пользуется такими методами — чем мы хуже? Да ничем.

У нас пока есть шансы выправить положение. Пока. Президент нашей страны — я в этом часто убеждался и убеждаюсь — пре-

красно понимает всю сложность ситуации и четко видит ориентиры и пути следования им. Он помощник нам, мы – помощники ему. Но работа, еще раз подчеркну, предстоит сложнейшая. И сложность ее во многом состо-

ит в том, чтобы всем нам поскорее избавиться от мазохистского самоистязания.

**Беседовал Александр БЕЛЯЕВ,
«Аргументы недели», №6(398),
20 февраля 2014 г.**

КАК ПОДНЯТЬ ПРЕСТИЖ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

КАК ПОДНЯТЬ ПРЕСТИЖ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

17 октября 2013 г. проект закона «Об образовании» был одобрен Госдумой в первом чтении. Но все ли еще учтено российскими законодателями? Об этом размышляет председатель совета ректоров вузов Иркутской области, ректор Байкальского государственного университета экономики и права Михаил Винокуров.

ПОСЛЕДНИЕ 20 лет идет непрерывный процесс реформирования отечественной высшей школы. В профессиональном сообществе уже накопилась определенная усталость. Тем более что очевидных результатов пока не наблюдается. Между тем, для того чтобы принципы Болонского процесса были эффективными и прижились у нас, необходимо их комплексное и поэтапное внедрение. Только разработав четкую программу реформирования всего образования – от детского сада до Высшей аттестационной комиссии (ВАК) – мы сможем достичь главной цели – высокого качества образования и конвертируемости российских дипломов на мировом рынке труда.

Образование в современной России – это структура, вобрав-

шая в себя элементы старой и новой систем. Вместо простой 4-ступенчатой, как на Западе (школа – 12 лет, бакалавриат – 3 года, магистратура – 2 года, аспирантура – 3–4 года и ученая степень доктора наук), мы имеем эклектичную, 7-ступенчатую (школа – 11 лет, техникум – 3 года, бакалавриат – 4 года, специалитет – 5 лет, магистратура – 2 года, аспирантура – 3–4 года и докторантура – 2–3 года). Помимо промежуточных, явно излишних ступеней, мы до сих пор сохраняем квалификацию «техник», «специалист» и ученую степень «кандидат наук».

Возможно, имеет смысл перевести среднюю школу на 12-летний цикл, как это принято в развитых странах? Уже в 11–12-х классах начинать специализацию, ввести часть дисциплин

гуманитарного и общетеоретического циклов, что изучаются сегодня на первых курсах вузов. Это поднимет уровень и престиж средней школы и усилит уровень бакалаврской подготовки. Ступенями высшего образования должны стать бакалавриат, магистратура и аспирантура.

В большинстве стран ученые степени присваивают советы, сформированные из независимых экспертов, представляющих разные университеты. Их вердикт является окончательным. Такого органа, как наш ВАК, в мире нет нигде, за исключением стран СНГ. Созданный в 1932 году, ВАК, как и ЦК КПСС, выполнял функции идеологического фильтра. ЦК КПСС давно нет, а ВАК продолжает контролировать качество диссертаций. Получается, что существует недоверие к работе диссертационных советов вузов. Да, сама процедура работы советов также вызывает некоторые вопросы. К примеру, наряду с открытой научной дискуссией существует тайное голосование. Зачем? Независимые эксперты не должны бояться гласности. Практика показывает, «черные шары» нередко используются для сведения личных счетов. Почему бы России не перейти на систему защиты диссертаций и аттестации научных кадров, принятой во всем

мире? В этом уже давно назрела необходимость.

Есть необходимость и в новом подходе к вузам. На наш взгляд, целесообразно создать три группы университетов. В первую вошли бы федеральные и инновационные университеты. Это вузы, в чьей деятельности есть сильная научно-исследовательская компонента. Их задача – формирование кадрового потенциала науки и активные исследования. Костяк для таких вузов уже есть – федеральные университеты. Однако с самого начала их создания был допущен серьезный просчет – под одной крышей было объединено несколько разнолинейных вузов, подведомственных Минобрнауки России. При формировании федеральных и инновационных университетов в их структуру необходимо вливать академические и отраслевые научно-исследовательские институты (с их базой и кадрами). Это резко усилило бы научный потенциал вузов и решило бы проблему подпитки молодежью научных институтов РАН.

Во вторую группу университетов предлагаем включить федеральные вертикально-интегрированные учебные университетские комплексы. Основная цель этих вузов – подготовка высокопрофессиональных специалистов для конкретных производств и

ведомств. Комплексы вберут в себя профильные вузы, средние специальные учебные заведения и крупные учебные центры профподготовки и переподготовки. Считаем, что имеет смысл включить в их состав большинство техникумов и колледжей.

Оставшуюся часть университетов, академий и институтов необходимо перевести на региональный уровень. Это будет 3-я группа вузов – большинство высших учебных заведений, которые занимаются кадровым обеспечением регионов (учителями, врачами, агрономами, работниками культуры и спорта). Пожалуй, это будет самая многочисленная группа вузов. Источником их финансирования должны стать региональные бюджеты, а общее методическое руководство останется за Минобрнауки России.

При этом необходимо ужесточить аккредитационные требования и открывать новые вузы (государственные или частные) только при условии строгого соблюдения соответствующих нормативов (речь идет об учебных площадях, кадрах, научном обеспечении и т.д.). Сегодня аккредитованными числятся более тысячи частных вузов, но только единицы из них соответствуют госстандартам. Большинство предприятий отказываются от

выпускников таких учебных заведений. Как следствие – идет подрыв всей системы высшего образования, растет недоверие к российскому государственному диплому. Чтобы этого не происходило и дальше, считаем, что следует принять решение о выдаче частными вузами «индивидуальных» (этих вузов) дипломов. Помимо этого следует закрыть слабые вузы, объединить их с сильными или же реформатировать в центры переподготовки кадров.

Теперь несколько предложений по бакалавриату и магистратуре. Основная программа подготовки бакалавра должна длиться четыре года. Для будущих врачей, инженеров и военных следует оставить пятилетнюю программу обучения (эти профессии требуют больше практической подготовки). В магистратуре подготовка должна быть одинакова для всех направлений – двухлетней. За рубежом в магистратуре учатся лишь те, кто уже проработал по выбранному направлению не менее двух лет. И этот положительный опыт следует позаимствовать.

Система лицензирования и аккредитации отечественных вузов также нуждается в пересмотре. Предлагаем перейти к процедуре общественно-профессиональной аккредитации. Тогда вузы будут получать кредиты доверия от про-

фессионального сообщества, которому кадры и предназначались.

Рейтинг вузов пора составлять на основе мировых стандартов и проводить его ежегодно. Независимые эксперты будут оценивать вуз не по входному среднему баллу ЕГЭ (ЕГЭ – это результат работы школы, при чем тут вуз?), а на основании качества знаний выпускников. Такой рейтинг позволит Минобрнауки строить эффективную политику с каждым отдельным вузом.

Есть у наших вузов еще одно предложение: о переходе на новую систему бюджетного финансирования студентов. Целесообразно распределять выделенные вузу бюджетные места ежегодно, по результатам учебы за предыдущий год. По окончании каждого курса (с первого по четвертый) аттестовывать всех студентов на потоке и ранжировать их по рейтингу успеваемости. После этого на следующий курс (начиная со второго и т.д.) зачислять на бюджетную форму обучения только в соответствии с достигнутыми успехами в учебе. Таким образом, право получать стипендию будет ежегодно завоевывать каждый студент независимо от формы обучения.

Это позволит, во-первых, восстановить социальную справедливость (за счет государства будут учиться только сильные, та-

лантливые студенты). Во-вторых, будет нанесен превентивный удар по коррупционным схемам поступления на бюджетные места в вузы.

В российских вузах нет высокой науки, а если и есть, то ее доля мизерна по сравнению с западными университетами. У них число занятых наукой сотрудников примерно такое же, как и занятых в учебном процессе. Кроме того, и сами преподаватели имеют достаточно времени на научную работу. В наших университетах профессура перегружена учебной работой (по 800 и более часов активной нагрузки в год). Ей некогда заниматься наукой, да и финансирование вузовской науки незначительное, ибо основные деньги на науку идут в РАН.

Научные институты РАН необходимо объединить с наукой университетов. Данное предложение будет соответствовать магистральному направлению развития науки в мире, позволит успешно конкурировать нашим вузам с зарубежными. В интегрированных университетских центрах сразу объединятся две научные школы (вузовская и академическая), произойдет прилив молодых исследователей, вовлечется в активную научную работу плеяда вузовских ученых. Только благодаря такой интеграции фе-

деральные и национальные исследовательские университеты получат возможность выйти на мировой уровень.

Финансирование науки целесообразно осуществлять из единого центра – Минобрнауки, если мы хотим проводить единую политику в этой сфере. Но как в этом случае быть с Российской академией наук? Она сейчас фактически выполняет функции министерства науки. От такого дублирования функций РАН и Минобрнауки страдает дело. РАН должна сохранить за собой роль единого научно-методологического центра, заниматься аттестацией научных кадров по мировым методикам, организовывать работу научных конференций по важнейшим направлениям и т.д.

Необходима свобода вузов в формировании образовательных программ с учетом специфики региональных рынков труда, особенностей научных школ и кадрового потенциала вузов. Сегодня благодаря новым коммуникационным и информационным возможностям университеты не испытывают никаких проблем в обмене опытом, развитии сотрудничества как в России, так и за рубежом. С этой точки зрения нам представляется, что система учебно-методических объединений (УМО) в высшей школе себя исчерпала.

Хотелось бы, чтобы в новый закон об образовании вошло положение о демократичности управления вузом. Мы предлагаем ввести сроки пребывания на руководящих должностях. При нынешней практике многие руководители занимают свои должности бесконечно долго, закрывая перспективу роста молодым. Предлагаем ограничить по закону пребывание в должности заведующего кафедрой, декана и ректора двумя сроками. Социальный лифт в высшей школе должен работать как нигде лучше.

Государство ставит российским вузам задачу достижения высоких позиций в мировой таблице о рангах и т.д. Но это невозможно при существующей системе финансирования российских вузов. Мы обслуживаемся не в банке, а в казначействе, где подпись ректора на финансовых документах вторична. Вся собственность принадлежит государству, а если вуз что-то зарабатывает и строит (приобретает), это моментально становится собственностью государства. А где заинтересованность коллектива? Университеты России в финансовом отношении связаны по рукам и ногам, а нужна самостоятельность: обслуживание в банках, возможность брать кредиты, покупать и продавать идеи, собственность, участвовать в производственной

кооперации и т.д. Если мы сейчас в проекте закона об образовании это не учтем, все наши разговоры о повышении конкурентоспособности российских вузов будут только призывами. Необходимо откорректировать и бюджетное законодательство РФ, касающееся финансирования высшей школы.

Считаю, что для эффективной работы вузов следует установить максимально льготные налоги, а еще лучше обнулить их. Целесообразно вернуться к практике финансовой самостоятельности вузов, которая применялась в 1990-е годы.

Следует увеличить приток абитуриентов из-за рубежа в ведущие российские вузы, где качество подготовки по многим специальностям достаточно высокое (математика, физика, программирование и т.д.). Тем более, что обучение в российских вузах относительно недорогое. Примерно 80–200 тыс. руб. на студента в год (около 3–7 тыс. долл.). В настоящее время это должно стать приоритетной задачей высшей школы России. По мере развития наших университетов пер-

воначальные демпинговые цены на образовательные услуги будут возрастать и приближаться к общемировым.

Важный источник финансирования – средства спонсоров. В развитых странах это достигает 10–20% бюджета вуза. Там на учебных зданиях есть вывески о том, что тот или иной корпус построен в дар университету. Чтобы такой источник заработал в России, необходимо пересмотреть законодательство РФ о меценатстве, сделать дар целевым (чтобы он принадлежал университетской корпорации, а не государству).

Без всего этого невозможно реализовать ни одну программу долгосрочного развития вуза. Тогда вузы смогут поднимать опытное производство, активно участвовать в научных и проектных работах, проводить комплексные исследования по заказам предприятий... И только тогда мы будем способны конкурировать с мировыми лидерами в образовании.

«Российская газета»,
№254(5927),
2 ноября 2012 г.

КАК ОЦЕНИВАТЬ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВУЗОВ

В России идет непрерывное совершенствование высшего образования. Это многоплановый процесс. Но хотелось бы остановиться на одном из ключевых направлений реформы – мониторинге эффективности образовательных организаций высшего образования. Мониторинг проводился дважды за два последних года по 5–6 ключевым показателям деятельности вузов. При этом успешным считается учебное учреждение, преодолевшее пороговые значения как минимум по 50% показателей.

ВОТ такая, в общем-то, всем понятная и довольно несложная система оценки, вроде бы отражающая все виды деятельности вуза: учебную, научную, инфраструктурную. Однако если внимательно посмотреть на критерии оценок и их пороговые значения, возникает много вопросов и по структуре показателей, и по их качеству, и по пороговым значениям.

Чем же не устраивает высшие учебные заведения система мониторинга в 2013 году? Давайте проанализируем по порядку.

Первый блок – учебная деятельность вузов – отражает три показателя.

Первый из них – средний балл ЕГЭ (пороговое значение –

60 баллов). На мой взгляд, он не объективен и не отражает вузовскую жизнь. Что значит 60 баллов ЕГЭ в среднем по России? В сельскохозяйственных вузах в силу объективной российской действительности он должен быть одним, а в юридических и экономических – совершенно другим, причем значительно больше. И дело не в вузе, а в профессии, которую там получают. Мало кто сегодня с большими баллами по ЕГЭ пойдет учиться на агронома или зоотехника. Действительность такова: полуумирающее село, мизерные зарплаты, отсутствие ясных перспектив, мало рабочих мест. Вот и объективно все сельхозинституты не выдерживают монито-

ринг по этому показателю, и не их здесь вина. То же самое в педагогических вузах — при низкой зарплате в регионах кто из «высокобалльников» пойдет в учителя?

А вот экономисты и юристы, так не любимые некоторыми чиновниками, имеют наибольший балл ЕГЭ, поскольку большинство выпускников трудоустраиваются. Подчеркиваем, речь идет о выпускниках специализированных экономико-правовых вузов.

Другая сторона вопроса — территориальная. Есть Магадан, Рязань и есть Москва. Конечно, заманчивее столица. Там жизненный уровень выше, реально можно трудоустроиться после окончания вуза. Вот и получается, что все сильные абитуриенты сначала подают документы в столичные вузы, а потом — в местные. И тут дело совсем не в качестве вуза, а в развитости территории.

На наш взгляд, действительно нужный и реальный показатель, объективно отражающий потенциал вуза, — международная деятельность. Иностраный студент, да еще за свои деньги, в случайный или слабый вуз не пойдет. В мировых рейтингах вузов этот показатель в числе основных. По негласному правилу в высокорейтинговом университете студенты-иностранцы составляют 10 и более процентов учащихся. По мо-

нитрингу 2013 года, пороговое значение этого показателя — не менее 1% студентов-иностранцев от общей численности студентов (приведенного контингента), а в Москве и Санкт-Петербурге — не менее 3%. Считаем целесообразным этот показатель ужесточить и в перспективе довести его по регионам до 1,5–2%. Вузы надо заставить активно работать с абитуриентами-иностранцами: вести рекламу за рубежом, обосновывать выгоду учебы. И все это реально. Но для этого, конечно, надо строить сеть комфортабельных общежитий, открывать подготовительные отделения по изучению русского языка, решить в правительстве вопросы упрощения получения виз для иностранных студентов.

Показатель «трудоустройство» введен в мониторинг в этом году. Мы считаем, что он малоэффективен, методы его подсчета несовершенны. Я сам — ректор университета — по образованию экономист и занимаюсь вопросами организации труда. Классическая схема трудоустройства, которую мы предлагаем студентам, это выбор конкретного рабочего места через рассылку своего резюме. Мы сами учим студентов: вы должны отправить 30–70 рассылок резюме в службу занятости, кадровые агентства, непосредственно в соответствующие

службы предприятий и организаций. В итоге получите 2–8 предложений и выбирайте. Это и есть рынок труда.

По результатам мониторинга все наоборот: чем больше выпускников обратилось на биржу, тем неэффективнее вуз. Это антирыночно. Надо учитывать, что показатель трудоустройства сильно зависит от развитости региона, динамики его экономического роста. Чем более развит регион, тем больше рабочих мест, тем выше уровень трудоустройства выпускников вузов. И вуз тут находится в зависимости от территории.

Для того чтобы блок учебной деятельности был эффективным, мы предлагаем отказаться от показателей среднего балла ЕГЭ и трудоустройства, а вместо них ввести показатели квалификации профессорско-преподавательского состава (ППС) и книгообеспеченности библиотек.

Квалификацию кадров можно рассчитывать исходя из доли лиц, имеющих ученые звания и степени, в общей численности ППС (в основу расчета берется штатная численность без совместителей). В мире при расчетах рейтингов университетов этот показатель также является одним из ключевых. Пороговое значение, исходя из общемировой практики, должно составлять не менее

60–65% профессорско-преподавательского состава с учеными степенями. Этот показатель свидетельствует о наличии научных школ в вузе, условий для повышения квалификации кадров (аспирантура, защита диссертаций и т.д.), отражает политику университетов в области формирования, обучения и научной квалификации ППС.

Книгообеспеченность библиотек подтверждает качество осуществляемого учебного процесса, способность вуза формировать умение студентов добывать знания самостоятельно при помощи библиотеки, а теперь и Интернета. Зарубежные рейтинговые университеты имеют в своих библиотеках не менее одного миллиона книг и электронных изданий. Студент имеет возможность получить любую книгу в библиотеке, а также в Интернете и работать с ней. Как бы ни развивались общество и вузы, библиотеки всегда будут оставаться основными носителями и хранителями знаний. Техническое состояние библиотек меняется, но их суть и содержание неизменны. У нас в последнее время часто звучит тезис, что Интернет все заменит и не надо тратить на библиотеки. Эта точка зрения, на наш взгляд, глубоко ошибочна. Пороговое значение этого показателя также можно рассчитать, не изобретая вело-

сипед, а взяв за основу мировые стандарты. 1 миллион книг на 10 тыс. студентов приведенного контингента.

Мы убеждены, что введение предложенных показателей оценки учебной деятельности сделает более реальной общую картину мониторинга вузов, а также приблизит показатели оценки вузов России к общемировым.

Второй блок мониторинга — экономическая деятельность вузов. Это направление формируется двумя показателями:

- финансово-экономическая деятельность — пороговое значение 1,1 млн руб. дохода на одного научно-педагогического работника (НПР) в год из всех источников финансирования;

- инфраструктура — пороговое значение не менее 11 кв. м собственной (учебно-научной) площади на 1 студента (приведенного контингента).

На наш взгляд, оба этих показателя целесообразны, существенны и в целом отражают экономическую вуза.

Но хотелось бы высказать некоторые предложения и на этот счет. Мы считаем, что показатель финансово-экономической деятельности надо дифференцировать по трем группам вузов: гуманитарные (1,1 млн руб. на одного НПР), естественно-научные (1,34 млн руб.) и технические

(1,79 млн руб.). Такая дифференциация, во-первых, поставит разнопрофильные вузы в равные условия зарабатывания денег (50% — бюджетные средства, 50% — внебюджетные), во-вторых, заставит инженерные вузы заниматься внедрением новых технологий, а не плодить у себя экономические и юридические специальности.

Мы также предлагаем несколько скорректировать показатель мониторинга «инфраструктуры». Дело в том, что коэффициенты по площадям разработаны еще в советское время. Но ситуация изменилась. Сейчас строятся новые площади в разы меньше. Кроме того, остро стоит вопрос о коммунальном обслуживании этих площадей. По сравнению с советским периодом эти затраты возросли колоссально. Вузам невыгодно иметь сейчас большие площади. Чем больше строим, тем больше загоняем себя в угол с точки зрения коммунальных расходов. А они растут в среднем на 15–18% в год.

Исходя из своей практики, мы считаем, что пороговое значение в квадратных метрах на одного студента, которое существует сейчас, надо уменьшить процентов на 40. Приведу пример. В нашем вузе студенты занимаются шесть дней в неделю и укладываются в полторы смены. Ауди-

торный фонд, компьютерные залы, лаборатории работают весь рабочий день, а не в одну смену. При этом мы имеем резервный аудиторный фонд, кинотеатр, библиотечные залы, 16 кафе в корпусах и т.д. Весь учебный комплекс соединен переходами (в кампус). Для всего этого нам хватает 7 кв. м на одного студента, что резко снижает расходы на новое строительство и последующую эксплуатацию. Кстати, за двадцать «перестроечных» лет мы построили, купили и реконструировали более 60 корпусов, не затратив на это ни копейки бюджетного финансирования. Все строительство и модернизация производились за счет собственных средств. Не надо было никому доказывать, что построить, как это сделать и, главное, где взять деньги, — все решали сами.

К сожалению, в России до сих пор нет понятия вузовской собственности. Очевидно, что если корпуса и оборудование приобретены или построены за внебюджетные средства, то это является одним из показателей высокоэффективной деятельности вуза. Но тогда и все, что заработано самим коллективом, целесообразно передать в собственность вуза.

Сейчас всем этим распоряжается государство, и не исключен

вариант, что придут никому не известные «эффективные» менеджеры и «съедят» все, что построено на деньги, заработанные коллективом уже в наше рыночное время. Вывод напрашивается сам собой: вкладывать внебюджетные (собственные) деньги в корпуса и оборудование вузам сегодня невыгодно. Выход вроде бы предложен — автономные учреждения, но там назначается «эффективный» менеджер, практически без согласования с коллективом. Все хорошо помнят, что натворили с предприятиями такие назначенцы. Поэтому на практике мало кто из вузов пошел в автономное плавание.

Итак, в разделе об инфраструктуре мы предлагаем снизить пороговое значение по площадям на одного студента (приведенного контингента) на 40%, сделать его дифференцированным и установить по гуманитарным и естественно-научным специальностям — 6,5 кв. м, по инженерным — 8,1 кв. м.

Считаем также целесообразным дополнить блок экономической деятельности еще одним показателем — фондовооруженность. Он должен отражать в суммарном денежном выражении, сколько оборудования и технических средств приходится на одного студента (приведенного контингента). Этот показатель также надо сде-

вать дифференцированным по трем вышеперечисленным группам вузов. У меня нет статистики по российским вузам, и я не готов сейчас предложить пороговые значения, но это легко могут сделать в аппарате Минобрнауки, где есть все соответствующие цифры для расчета.

Наконец, мы перешли к еще одному очень важному блоку — **научно-исследовательская деятельность**. Он представлен показателем объема НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника (с учетом совместителей). Пороговое значение — 50 тыс. руб. на человека. Это очень важный и нужный показатель, и он, кстати, не вызывает никаких сомнений и критики. Единственное, что его можно было бы дополнить монографическими работами, пересчитанными из печатных листов в денежное выражение. К примеру, если инженерные работы оцениваются в патентах, экономическом эффекте от них в тысячах рублей, то у гуманитариев это —

книги. Предлагаю разработать методику и перевести в рубли труд по написанию научных работ. Это реально. Наш университет, кстати, может это сделать. Тогда показатель по НИОКР будет универсальным, ну и конечно, более эффективным.

В перспективе считаю целесообразным в число показателей, характеризующих научную деятельность вуза, ввести индексы цитирования. Этот показатель во всем мире определяет ценность научной школы. Многие российские вузы уже стали учитывать этот показатель, и уже в ближайшее время его можно внедрить.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что выработка показателей эффективности работы российских вузов чрезвычайно важна для научно-педагогического сообщества. А их совершенствование даст больше стимулов к поступательному развитию российской высшей школы.

**«Российская газета»,
11 декабря 2013 г. №279(6255)**

ДАЙТЕ СВОБОДУ ВУЗАМ!

НУЖНО ВЕРНУТЬ СВОБОДУ ВУЗАМ

«Человеком с обложки» февральского номера журнала «Аккредитация в образовании» стал доктор экономических наук, профессор Михаил Винокуров, ректор одного из крупнейших в стране профильных вузов – Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск). В беседе с корреспондентом «АО» известный ученый поделился своими размышлениями о настоящем и будущем высшей школы России.

Государство должно вкладывать в человека

– Михаил Алексеевич, на ваш взгляд, сложившаяся на сегодняшний день в России система управления высшим образованием эффективна или требуется перезагрузка?

– Нельзя не признать, что последовательные шаги руководства России, направленные на совершенствование управления образованием и наукой, дают свои результаты. Однако на сегодняшний день ситуация в целом, с нашей точки зрения, неудовлетворительная.

Взять, в частности, последние меры Минобрнауки РФ, суть ко-

торых в том, чтобы «выжимать» с образовательного поля так называемые слабые вузы. Впрочем, назвать их слабыми можно только условно. Речь идет о педагогических и сельскохозяйственных вузах, имеющих очень большое прикладное значение для регионов. В связи с этим, вероятно, было бы логичным передать часть вузов в управление регионов, и в первую очередь – педагогические. Этот шаг позволит, во-первых, сохранить эти вузы, во-вторых, даст им возможность развиваться более интенсивно, потому что регион напрямую заинтересован в учительских кадрах и будет отслеживать траекторию профессионального развития будущего учителя уже на

стадии его подготовки: организовывать практики, различные стажировки, стимулировать молодых специалистов работать в школе.

Думается, будет разумным ввести деление вузов на федеральные и региональные. При этом не нужно бояться отнести ко вторым значительную часть вузов, которые действительно обслуживают регион. Больно видеть, как сегодня в какой-то захватской манере к неэффективным причисляются педагогические вузы. Когда-то в России их было около 80, а осталось порядка 30. Но что будет делать школа через десять лет? Есть опасение, что страна может остаться без учителей. Согласитесь, это недалёковидная позиция. Вспомним, исторически так сложилось во времена Советского Союза, что педвуз имелся в каждой области, а в крупных областях — даже по два. В небольшой Вологодской области, с одним миллионом населения, в советское время было два вуза, которые готовили педагогов. То же самое — в Иркутской области. Чтобы педагогические вузы не умерли и не были изгоями системы образования, необходимо как можно скорее передать их в управление регионов. Аналогичный шаг нужно предпринять и в отношении медицинских, сельскохозяйственных вузов.

— Новые модели развития вуза, которые бы адекватно отвечали вызовам времени, сегодня ищут во всем мире. Каким быть университету будущего: вузом предпринимательского типа или интеллектуальной корпорацией, массовым учебным заведением или элитарным? Какой вам представляется в целом будущая архитектура высшей школы России?

— Этот глобальный вопрос стоит перед руководством многих стран. Определиться с выбором концепции развития высшего образования действительно непросто. Проголосовал бы за «интеллектуальную корпорацию». Степень развития общества в России сегодня такова, что высшее образование ее граждане не получают в массовом порядке. В развитых странах подавляющее большинство населения — 50–60% — составляет средний класс, представители которого априори должны иметь образование такого уровня. Выбор элитарного направления приведет к тому положению, которое было характерно для XIX века, — наличие малочисленной высокообразованной части общества и очень широкой — необразованной. Общество, которое сформировано сегодня, без сомнения, нуждается в массовом высшем образовании. Но не в вузах «предпринимательского» типа! Такие вузы не должны пре-

валировать, иначе граждане вынуждены будут нести непомерные расходы на образование. Государство должно вкладывать в человека, что дает эффект многократного умножения: общество становится богаче, получая не только образованного, но и высококультурного человека.

В этом смысле российской высшей школе есть чему поучиться за рубежом. Складывается впечатление, что мы в России еще не вполне определились, что нам нужно. Например, взялись за создание элитарных (федеральных) вузов — «искусственных цветов» — посредством механического объединения. Это напоминает времена СССР, когда гремели предприятия-гиганты, накачиваемые бюджетными деньгами. Но, как только рынок взял бразды правления в свои руки, ни одного из них, по сути, не осталось. Сегодня эта ошибка повторяется в отношении университетов. Университет должен вырасти сам. Безусловно, помогать надо, но вуз должен найти свою нишу, пробиться, в конце концов.

Что касается будущности, то доступность высшего образования — институциональная основа современного общества, обладать в котором будет высокоинтеллектуальный труд. Решая задачу формирования общества

будущего, государство должно вкладывать средства в массовое высшее образование, которое, как локомотив, потянет за собой всю идеологию развития.

В высшей школе будущего ведущую роль будут играть магистры и люди с учеными степенями и званиями. Они содействуют научному прогрессу, аккумулируя знания в определенных областях. Поэтому какая-то часть вузов должна специализироваться на более высоких уровнях образования, открытых для всех способных студентов.

Постоянно подтверждать лидерские позиции

— Благодаря СМИ известно ваше высказывание: «Университеты всегда были колыбелью демократии». Какая концепция положена в основу развития БГУЭП? Какие направления деятельности университета являются приоритетными сегодня? Каково ваше видение перспектив развития вуза?

— Всегда был сторонником приведенного тезиса, что подтверждает и моя трудовая биография. Вошел в число тех первых ректоров, которые пришли к руководству вузом не через назначение, а путем выборов на альтернативной основе. Работа в должности ректора — в течение

двадцати семи лет — не поколебала веры в то, что внутри вуза приемлемая демократичная обстановка. Все ответственные должности должны быть выборными и ограничены определенным сроком. Заведующий кафедрой, декан должны избираться. Всем важно осознавать — необходимо постоянно подтверждать свои лидерские позиции. Если этого не происходит, будет избран кто-то другой. И эта атмосфера соревновательности в университете абсолютно нормальна. Это не диктат — коллективу нельзя навязать на руководящую должность кандидатуру, которая ему не известна.

Другая сторона вопроса — в процессе обучения между преподавателем и студентом значимы партнерские отношения. Не может быть навязывания одной точки зрения — обязательно изложение многих. Зайдите в любое кафе Байкальского университета экономики и права, а их у нас около 25, и вы увидите, что студенты и преподаватели бок о бок обсуждают интересные обеими сторонами проблемы. Обсуждение может начаться в аудитории, а закончиться в неформальной обстановке.

Могу авторитетно заявить: в БГУЭП самые демократичные отношения между сотрудниками. Никто не подчеркивает свою

значимость. Атмосфера искренней доброжелательности, когда все относятся друг к другу уважительно, способствует росту производительности труда в целом — это точка зрения экономиста. В итоге возникает «синергетический эффект» — ректор знает, что может положиться на коллектив, который в решительную минуту его поддержит. Такая атмосфера позволяет пестовать людей, раскрывать их, выдвигать наиболее способных.

О перспективах... Нужно исходить из того, что общество — это изменчивая структура с идущими внутри него динамическими процессами. Думается, вуз также должен следовать принципу изменчивости — все новое, что есть на сегодняшний день в разных странах и в разных науках, должно хорошо осваиваться вузовской корпорацией, в том числе Байкальским университетом. Светлое будущее возможно только на острие прогресса. Вбирать все новое, аккумулировать все лучшее и нести этот огонь Прометея студентам. Только так можно сохранять роль лидера на образовательном поле.

— В одном из интервью в прошлом году вы озвучили данные: «Годовой оборот БГУЭП — несколько миллиардов рублей. Три четверти из них мы зарабатываем сами». Каковы основные инстру-

менты высокой конкурентоспособности вуза?

— Чтобы обозначить позицию университета в конкурентной среде, достаточно ограничиться словами: «Мы боремся!» Первое условие выживаемости — качество подготовленных специалистов. Однако, возвращаясь к теме элитарности, — нельзя переходить планку доступности высшего образования. Можно учить только десять студентов, а можно — тысячу. Однако в чем нуждается общество? В подготовке тысячи высококвалифицированных специалистов, а не десяти. Мы стремимся для каждого абитуриента оставить шанс попасть в БГУЭП. Если установить непомерную плату, которая недоступна для обычного человека, это будет неправильно. Две трети обучающихся в университете — студенты платного обучения. Так получилось, что государство сегодня недостаточно финансирует подготовку экономистов и юристов. Разрабатывая концепцию приема абитуриентов, мы исходим из того, что стоимость обучения для талантливых молодых людей должна быть доступной. К сожалению, таланты, как правило, не располагают той суммой денег, которую требуют столичные вузы. А в БГУЭП они идут и, становясь высококлассными

специалистами, добавляют красок имиджу университета.

Следующий момент. Необходимо подчеркнуть: университету приходится все время внедрять что-то новое — его отрыв от вузов своего профиля составляет пять-семь лет. В частности, в БГУЭП быстро внедряется зарубежный опыт. После того как мы внедрим и отладим новшество, его начинают применять и другие вузы. Это служит для нас стимулом к переходу на новый уровень. Новизна приемов и методов обучения в конечном итоге позволяет привлекать наиболее способных абитуриентов.

Одно из необходимых условий высокой конкурентоспособности — выход за рамки своей страны, города и прочее. Необходимо отправлять своих «эmissаров» в другие страны — нужно интегрироваться, брать лучшее, стажироваться. Средства на эти цели выделяются из общего дохода университета.

— Согласны ли вы с мнением, что «российское высшее образование близко к катастрофе»? С точки зрения директора направления «Молодые профессионалы» АСИ Дмитрия Пескова, государство постепенно будет сокращать финансирование высшей школы — вузы должны будут искать помощи у профильного бизнеса. Что вы думаете о реальных перспективах развития госу-

дарственно-частного партнерства в сфере образования?

— Очень емкий вопрос. Любая система, которая не видит перспектив, безусловно, гибнет. Но система высшего образования России, убежден, динамична в своем развитии. В страшные 90-е годы она выжила, причем одна из немногих. Рухнули предприятия, организации, но ни один вуз не прекратил своего существования. И сегодня, несмотря на многочисленные проблемы высшей школы, катастрофы нет.

Что касается партнерства. Это, без сомнения, очень хорошее дело, но на сегодняшний день ситуацию можно охарактеризовать так: много слов и мало действий. Не в обиду представителям отечественного бизнеса — в своей массе они не хотят вкладывать деньги в развитие российского образования. Возможно, дело в том, что пока еще не вырос класс настоящих собственников, которые заработали свои миллиарды через инновации.

Поэтому на бизнес в его нынешнем состоянии ставку делать нельзя. Реальнее ставка на более свободное развитие вузов как субъектов рыночной экономики. Первый указ президента Б.Н. Ельцина был о развитии высшего образования. В то время вузам дали такую степень свободы, что иностранные ректоры

поражались и завидовали. Та свобода действий позволила БГУЭП сделать мощный рывок в своем развитии. Университет стал строить, покупать в течение года по два-три корпуса — за собственные деньги, потому что у вузов появилась возможность зарабатывать. Если в начале этого пути у БГУЭП было 7 корпусов, то стало 69.

«Пришли иные времена»... Методом последовательного ужесточения мер на вузы напустили такую узду, которой не было даже во времена СССР. Руководство значительно ограничило в правах и довели, по сути, до рабского состояния. Ректор не имеет право самостоятельно подписать финансовые документы — необходима также подпись руководителя казначейства. Нас призывают соревноваться с зарубежными вузами, допустим, американскими. Между тем это гигантские корпорации с бюджетом в 3–4 миллиарда долларов. Как с ними соперничать российскому ректору, который не имеет финансовой самостоятельности: не имеет права купить и продать, поместить деньги в банк, открыть предприятие со стоимостью активов свыше 10 тысяч евро. О каких первых строчках в мировых академических рейтингах при существующем положении дел может идти речь? Здравое рассуждая, нуж-

но снова вернуть свободу вузам. Тогда они сами будут активно бороться за место под солнцем.

— Однако, несмотря на сказанное выше, БГУЭП прилагает усилия по формированию площадки взаимодействия вузовской общности и бизнес-сообщества. Цель — совершенствование реализуемых в Иркутской области образовательных программ высшего образования с учетом требований регионального рынка труда.

— Сотрудничество с бизнес-сообществом необходимо. Во-первых, вуз работает на потребителя, то есть работодателя, во-вторых, здесь должны стажироваться будущие специалисты. Это дает возможность объективно оценивать качество подготовки.

Около десяти лет назад в отдельном корпусе Читинского филиала БГУЭП на основании договора было открыто отделение Сбербанка. Студенты полностью его обслуживают, через каждые три месяца сменяя друг друга на всех должностях: от уборщицы до руководителя подразделения банка. Если оператор — студент младшего курса, то руководитель подразделения — выпускник, который пишет дипломную работу. Без преувеличения, эффект колоссальный! Удачный опыт подобного партнерства практикуется БГУЭП с некоторыми предприятиями и в Иркутске. По

различным направлениям экономических, юридических и гуманитарных специальностей работает институт повышения квалификации БГУЭП. Входящие в его структуру центры повышения квалификации — это почти 30 высокорентабельных предприятий, которые дают университету весомый доход. Под их крышей, с одной стороны, обкатываются новейшие знания в той или иной области, с другой, есть возможность заработка для преподавателей, сотрудников, студентов.

Можно назвать много других форм сотрудничества, которые позволяют БГУЭП находиться в непосредственном контакте с потребителем. В частности, недавно продлено на пять лет соглашение с крупнейшей госкорпорацией «Ростехнологии», возглавляемой именитым выпускником университета С.В. Чемезовым. В документе оговорены такие вопросы, как практика студентов, трудоустройство выпускников, стажировка преподавателей, присутствие сотрудников корпорации на экзаменах, государственных испытаниях.

Зарабатывать на нефти или знаниях?

— Известно, что вы придерживаетесь точки зрения: экспорт об-

разовательных услуг — это высокотехнологичный экспорт, способствующий инновационному развитию страны. Какие дивиденды получает университет от реализации наиболее значимых международных проектов? Какими вам видятся перспективы?

— На сегодняшний день в БГУЭП обучается почти 350 иностранцев — это около 3% от числа студентов дневной формы обучения. Нами поставлена цель — через пять-семь лет иностранные граждане должны составлять 10% от общего контингента студентов. Во-первых, привлечение на учебу иностранцев снимает остроту демографической ситуации в стране. Во-вторых, будем откровенны, стоимость их обучения примерно в два раза выше, чем у наших студентов. Эта разница дает возможность направлять больше средств на развитие вуза, в частности, реализовывать социальные программы для российских студентов и преподавателей. Обязательным является учет специфики рынка труда стран, граждане которых являются потенциальными студентами. В частности, мы отслеживаем ситуацию в Китае, попутно находя очень много полезного для себя, что впоследствии внедряется в учебный процесс.

Актуальность поставленной Минобрнауки задачи по при-

влечению на учебу иностранцев не вызывает сомнений. Однако нельзя не видеть — на сегодняшний день никто не берется за кардинальное решение массы «сопутствующих» проблем. Например, приехавший в Россию студент-иностранец сталкивается с трудоемким процессом оформления виз — и для себя, и, например, для родственников, желающих его навестить. Социально значимой проблемой является качество жизни иностранных студентов. Почему бы государству не помочь вузам построить общежития для иностранцев? Большая часть существующих — это, простите, казармы с туалетами в двух концах коридора. А вопросы безопасности? Иностранные студенты часто подвергаются дискриминации: на них нападают из-за их внешности, вероисповедания. За этими проблемами — целый пласт работы на государственном уровне.

Что лучше — зарабатывать на нефти или знаниях? Экспорт образовательных услуг — один из самых интеллектуальных и доходных. В Америке он стоит на третьем-четвертом месте — при гигантском внешнеэкономическом обороте. Продаваемые знания — это чистый продукт. А мы лес валим и продаем, закрываем вузы из-за низкого конкурса. Надо создавать условия для при-

влечения многочисленной армии студентов из Китая. Для этого необходимы и — при существующей политической ситуации — реальные договоры и на межправительственном уровне, и на уровне профильных министерств. По соглашению между США и КНР 100 тысяч китайских студентов ежегодно выезжают на учебу за океан. Минобрнауки РФ, на наш взгляд, должно самым активным образом вмешаться в процесс создания соответствующих условий для обучения иностранных студентов. В противном случае все благие планы — демагогия.

— Близка ли вам точка зрения: интеллектуальный потенциал — главный актив вуза? Как вы оцениваете на сегодняшний день значимость итогов научных исследований и инновационной деятельности БГУЭП? Что вы можете рассказать о результатах продвижения инновационных проектов на рынок наукоемкой продукции?

— Интеллектуальный потенциал, безусловно, — главный актив вуза. Именно он служит источником доходов вуза в текущем периоде и основой его роста в будущем. Техника устаревает, а люди, накапливая опыт и знания, становятся только ценнее.

Значимость итогов исследований ученых БГУЭП подтверждается высокой внешней оценкой. В течение прошлого года уче-

ные, аспиранты и студенты университета выполняли работу по 11 научным темам, финансируемым из государственного бюджета, 4 темам — из средств научных фондов. В этом году получен грант президента для молодых ученых — докторов наук. Разработки малых инновационных предприятий, созданных при университете, поддерживаются Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

Что касается продвижения на рынок наукоемкой продукции, то основная интеллектуальная продукция БГУЭП — это научные идеи в области экономики, права, менеджмента, воплощенные в статьях, книгах, методических разработках. Они широко известны как ученым, так и практикам Сибири, Дальнего Востока, Монголии.

— БГУЭП принимает участие в разработке проектов, направленных на социально-экономическое развитие региона. Расскажите, пожалуйста, об этом чуть подробнее.

— Вуз выполняет работы по фундаментальным экономическим темам по заказам Минобрнауки РФ, является головной организацией по разработке концепций, стратегий, программ социально-экономического развития Иркутской области, Забай-

кальского края, Республики Саха (Якутия) и муниципальных образований, входящих в их состав. Начиная с 1995 года университет выступил головной организацией по разработке 45 комплексных программ социально-экономического развития городов и районов. Среди недавних значимых научно-исследовательских работ, выполненных на региональном уровне, «Оценка последствий вступления России в ВТО: возможности и угрозы для Иркутской области», «Определение востребованных (актуальных) форм государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» и другие.

К сожалению, региональные органы власти не стремятся поддержать региональную науку, а для разработки крупных проектов все чаще приглашают сторонних исполнителей, в первую очередь из Москвы. Поэтому БГУЭП за счет собственных средств проводит исследования по проблемам социально-экономического развития региона, осуществляет экспертизу проектов и документов для государственных органов.

«Былое и думы»

— По мнению Дмитрия Ливанова, проект по вхождению не менее пяти российских вузов в первую сотню международных рей-

тингов — старт долгосрочной работы по созданию элиты российских университетов. Видите ли вы БГУЭП в этой элите? Как вы оцениваете перспективы вхождения вуза в международные рейтинги? Каковы ключевые моменты стратегии — в случае если таковая существует, — направленные на решение названной задачи?

— Честным будет ответ: желание во что бы то ни стало ввести горстку отечественных вузов в верхние строчки мировых рейтингов практически неосуществимо. Объясню свою позицию. Условий для реализации поставленной амбициозной задачи нет. Повторюсь, на сегодняшний день вузы — птицы со связанными крыльями. Например, у китайского вуза — мощно зарабатывающие предприятия-лаборатории с сотнями человек, другие возможности. Российским вузам, которые не имеют даже собственного расчетного счета, подобное просто запрещено. Это исключает конкуренцию на равных за место в мировой таблице о рангах.

Для начала надо поменять всю логику развития российских вузов, чтобы дать им возможность себя проявлять. Принятое недавно решение накачивать отдельные вузы деньгами — мера искусственная. Допустим, на эти деньги построили коробки кор-

пусов, а смысл? Университеты, получившие деньги, по-прежнему не свободны и в любом случае проиграют зарубежным конкурентам.

Байкальским университетом экономики и права выбран другой путь, поскольку деньги ему никто не дарит. Однако за тридцать лет из маленького вуза он вырос в университет, в котором учится почти 30 тысяч студентов. БГУЭП вошел в группу крупнейших университетов России. Вот это, считаю, реальный путь развития вуза. По моему мнению, подобные учебные заведения в России надо пестовать — и не деньги им давать, а создавать условия. Речь идет о тех же льготных кредитах, например. Необходимо изменить также налоговую базу. Университеты облагают так же, как промышленные предприятия. Допустим, БГУЭП строит корпус, стоимость которого, условно, 100 миллионов рублей. В качестве налога мы должны заплатить государству 20 миллионов, хотя для него же и строим.

Необходимо ввести понятие «вузовская собственность». Университет, напрягая силы, строит корпуса. Средства на строительство идут из общего фонда, то есть их можно потратить на зарплату или инвестировать. Сегодня положение таково, что вновь

создаваемые объекты недвижимости автоматически становятся собственностью государства. Что в перспективе? Если через какое-то время будет объявлена приватизация, то все, что мы построили, отрывая от своей зарплаты, чужой дядя присвоит себе. Это актуальная проблема! На каждом заседании ученого совета в воздухе витает вопрос: «Почему мы должны инвестировать неизвестно кому?» Государство не гарантирует, что все нажитое останется в собственности вузовской корпорации и завтра не уйдет в частные руки. Это ненормально. Реальностью являются факты открытого рейдерства с целью смены ректора и захвата собственности... Горько и обидно это осознавать. Для того чтобы вузы получили возможность эффективно развиваться, необходимо решить вопрос вузовской собственности.

— Руководство Минобрнауки РФ признает, что на сегодняшний день процедуры, призванные обеспечить повышение качества образования в отечественной высшей школе, — государственная и профессионально-общественная аккредитация и мониторинг эффективности вузов — не образуют единой системы координат (интервью замминистра Александра Климова, «АО», 2013, №68). Какова ваша позиция? Какие шаги способство-

вали бы приведению этих процедур к одному знаменателю?

— Очень актуальная проблема. Бюрократия обуздала Россию, не исключение и высшая школа. Чиновники считают, что эффективны только бюрократические методы. Эта логика лежит в основе всех без исключения мероприятий, касающихся инспектирования вузов. Главная задача вуза, учредителем которого является государство, — подготовка квалифицированных специалистов. Если возникает проблема с качеством их подготовки, учредитель создает комиссию — это мировая практика. Никто не проверяет вузы каждые пять лет и не грозит им палкой, вынуждая при этом заполнять огромное количество форм отчетности. Это российское изобретение. В одной из клиник Германии мы поинтересовались у профессора, как эта структура организована, кем учреждается, как контролируется. Последовал ответ — никакого контроля. Мы провели параллель: в России — санитарные нормы, кафель до потолка и прочее. «Это мое дело, — парировал профессор. — Если буду плохо лечить, клинику сразу закроют».

Сегодня многочисленные инструкции, которым обязан следовать ректор, сковывают инициативу, попросту мешают деятельности. К сожалению, провер-

ки очень похожи на вредительство. Как врач не успевает лечить больных, будучи занят составлением отчетов, так и доцент сегодня больше времени тратит на бумажную работу, чем на общение со студентами в аудитории. И это «заслуга» чиновников профильного министерства. Скажу прямо: лавину отчетов и проверок необходимо остановить, на вуз смотреть через призму рынка труда — удовлетворяет ли образовательная организация высшего образования его запросы. Это главный показатель. В этом случае вуз сам должен вести отчетность: сколько специалистов выпущено, куда и как они трудоустроены, какова их зарплата и прочее, — то есть в течение определенного времени контролировать трудовую деятельность выпускников. С одной стороны, эти данные легко поддаются контролю проверяющих организаций, с другой — именно они и должны быть положены в основу составления рейтинга вузов.

— По мнению генерального секретаря Российского союза ректоров Ольги Кашириной, наука должна составлять более половины доходов вуза, так как высшая школа не может «сидеть» лишь на платном образовании. Каково на сегодняшний день реальное положение дел в вузах Иркутской области? Ваш прогноз на будущее?

— Это хороший специалист, знающий мировую практику. Действительно, значительная часть доходов вузов в высокоорганизованных странах формируется за счет НИР. Но, увы, на сегодняшний день — с учетом сложившихся в России реалий — подобный опыт внедрить невозможно. В стране, где, по существу, стагнация производства, вузам зарабатывать не на ком. Возьмем Иркутскую область: два-три сильных предприятия — и... все. С кем заключать соглашения, чтобы зарабатывать деньги на научных исследованиях? Основные предприятия, которые сохранились в регионе, — сырьевые, потребность в науке у них нулевая. Какая нужда в науке у лесозаготовителей — «пили, валя и увози». Пока не будет развитой страны, не будет и науки. Поэтому громкие заявления «в вузах нет научных исследований» неточны по своей сути: исследования объективно и не может быть, ведь они должны выполняться в чьих-то интересах. Известен «накат» на Российскую академию

наук. Но в чем вина РАН, когда заказчиков нет? Имеющиеся заделы с удовольствием бы продали за рубеж, но секретность не позволяет.

Перспективы российского высшего образования оцениваю с оптимизмом. Это мнение базируется, как ни странно, на анализе того опыта, который приобрели российские вузы, и Байкальский государственный университет экономики и права в том числе, в трудные 90-е годы ушедшего столетия. Постигнув науку выживания, они смогли даже поднять качество образования.

Желание только одно: хотелось бы, чтобы власть не выступала по отношению к вузам как диктатор, а предоставила им большую свободу. Одним словом, вузам — свободу, стране — подняться! Поднимется страна — вырастет потребность в специалистах высокой квалификации, в том числе научных кадрах. Это будет общая и заслуженная победа.

«Аккредитация в образовании».
№ 69/февраль/2014

ДАЙТЕ СВОБОДУ ВУЗАМ!

Дискуссия о стратегии развития высшей школы, кажется, снова приостановилась. После диссонансной оценки государственных вузов, по которой треть учреждений высшей школы признана неэффективными (см. «Поговорили и разошлись» в «Эксперте-Сибирь» №49 за 2012 год), новостей стратегического порядка больше не поступало. А скандал с липовыми диссертациями и неэффективностью ВАК следует списать на все ту же «неэффективность вузов».

ДИСКУССИИ о высшем образовании, по сути, сводятся к решению вопроса о главной цели университетов. Что это такое — учреждения по оказанию образовательных услуг или факторы развития общества, поставщики неких социальных благ. На минувшем Красноярском экономическом форуме (см. «Государству это не нужно!» в «Эксперте-Сибирь» №8 за 2013 год) решению этого вопроса был посвящен целый круглый стол. Мнения на нем разделились предельно ясно. На позициях «вуз как услуга»: замминистра образования и науки России Александр Повалько («вузы — это услуга, довольно дорогое это удовольствие — если вуз рассматривать социальным благом (...).

Я не верю, что вуз может стать драйвером развития региона»; губернатор Приморского края, экс-ректор ДВФУ Владимир Миклушевский, а также другие нынешние и бывшие чиновники. Ректоры вузов (за исключением тех, кто успел побывать чиновником), понятно, стояли на позициях «вуз как социальное благо». Естественно, разница в подходах влечет за собой и разницу в управлении университетами.

Но поставить вопрос можно и иначе: можно ли рассматривать вуз как социальное благо, но при этом одновременно управлять им как корпорацией, крупным инвестиционным проектом. За последние годы «Эксперт-Сибирь» встречался с ректорами почти всех ведущих вузов региона, однако

«третьего пути» найдено не было — большинство глав университетов рассуждают в координатах «деньги из бюджета — результат».

Но тем и примечательнее опыт Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП, Иркутск). Один из многочисленных «нархозов», бывших в каждом сколько-нибудь крупном городе страны, за последние 25 лет он стал значимой единицей иркутского высшего образования. В начале 1990-х «нархоз» имел семь корпусов и семь тысяч студентов, сегодня — 69 корпусов в пяти городах Восточной Сибири и 30 тысяч студентов. Темпы роста, невиданные для российского гуманитарного вуза, если учесть, что это не федеральный университет и никаких «бумажных» присоединений к БГУЭП никогда не было.

Причина — стратегия развития университета, сформулированная его ректором Михаилом Винокуровым. Винокуров — легенда иркутской высшей школы, председатель совета ректоров региона. Он возглавил «нархоз» еще в 1987 году, став одним из первых ректоров в стране, избранных на альтернативной основе собранием коллектива. Окончив планово-экономический факультет того же института, он с самого начала под вузом подразумевал большой инвестиционный проект и мыслит категориями «прибыль—ин-

вестиции—развитие». В преддверии очередных потрясений для вузов, связанных со вступлением в силу закона «Об образовании в РФ», борьбой с «неэффективными вузами» и «липовыми кандидатами», Винокуров дал интервью «Эксперту-Сибирь».

Университет как инвестиционный проект

— Когда вы начали работать ректором, у вашего университета было семь корпусов и семь тысяч студентов. Сейчас в вузе 30 тысяч студентов и 69 корпусов. Такой рост был изначально целью или так получилось в ходе развития вуза?

— Конечно, 25 лет назад я не ставил перед собой цель так увеличить университет. Была просто задача — сделать хороший вуз. А когда мы начали это претворять в жизнь, в стране произошла смена власти и вузам дали финансовую свободу. Большинство ректоров клянут это время, потому что всем снизили бюджетное финансирование, но я только приветствую те начинания. У кого тогда была голова, стали развиваться за счет собственного потенциала. Может быть, сыграло роль то, что во главе вуза у нас стояли экономисты, были бы биологи — все пошло бы по-другому. Самая большая вузовская демократия у нас была при позднем Горбачеве

и при раннем Ельцине. Нам тогда дали условия такие же, как у западных университетов. Помню, как Б.Н. Ельцин собрал всех ректоров в Туле и зачитал свой указ номер один. Сегодня мало кто помнит, но это был указ о высшем образовании. Он нам честно сказал: «Ребята, в стране денег нет, но я даю вам возможность зарабатывать самостоятельно».

— И на чем вы стали зарабатывать?

— Начали с самого элементарного — с продажи наших услуг. Стали дополнительно набирать контингент платных студентов и учить их. Правда, тогда же были приняты жесткие законы, по которым «платников» должно было быть не более 25% от общего набора. Но я сразу отказался от этого принципа, и мы набирали столько, сколько могли. Дальше Сибири ведь не сошлют. Это же нелогично, когда говорят «свобода», а сами ее ограничивают. Это российская непоследовательность по большому счету умертвила почти все радикальные реформы, в том числе и в высшем образовании.

В итоге у нас доля бюджетного финансирования в общем объеме была не более 10%, а остальные 90% — наши собственные средства. И прелесть была в том, что если мы сами зарабатываем, то сами и выбираем направле-

ния затрат. Можно было отправить все на зарплату, а можно — инвестировать, чтобы потом зарабатывать больше. Это классический принцип бизнеса. Мы стали инвестировать заработанные средства в собственный университет. Тогда, в девяностые годы, свободных средств почти не было. Предприятия умирали одно за другим. Вот напротив нас здание — оно раньше принадлежало Сбербанку. Представьте, тогда в Сбербанке не было денег. Мы у них купили здание, так как у нас были живые деньги. Стали строить новые корпуса. Причем мне ни перед каким дядей из министерства стоять с протянутой рукой не надо было, не надо было стройку согласовывать по пять-семь лет, как сейчас, потому что строили за свои деньги. Строили быстро, ибо финансировали сами. Много корпусов мы купили у банкротов, реконструировали их, вводили в оборот. Так приобрели развалины спорткомплекса, дома отдыха и так далее. Вот эта свобода позволила резко подняться инициативным вузам и вызвала некоторое раздражение вузов, приближенных к распределительной системе в Москве. Рынок сделал всех равными в зарабатывании и резко подорвал вузы, привыкшие к привилегиям.

В общем, мы стали создавать вокруг себя площадку. Органи-

зовали колледж, который нам был нужен по профилю, потом еще купили два государственных колледжа, оплатив все их долги. Вот кинотеатр «Художественный» напротив — тоже был банкротом, а теперь там социальный кинотеатр, показывают хорошие фильмы, ветераны собираются. И там же наша самодеятельность, студенческий театр и прочее.

— Как же обстояло дело с модным ныне способом «заработка на научных исследованиях», к которому призывают все вузы?

— Сейчас, конечно, модно говорить про инновации, но мы же гуманитарии, у нас на науке особенно не заработать. Поэтому наш второй источник заработка — повышение квалификации. Дело в том, что большинство бизнесменов по базовому образованию были не экономистами и всем им было нужно соответствующее образование. Поэтому мы организовали так называемые центры переподготовки. Суть в том, что под крылом университета стали открывать учебно-консультационные центры (УКЦ). Каждый факультет, каждая кафедра этим занимались. Условие было простое — вуз с них берет только налог семь процентов, потому что они все-таки работают в университете. Да и потом — вузу самому это выгодно, ведь все равно они

позиционируют себя как «курсы при «нархозе»».

В итоге получилось, что средние зарплаты сотрудников в этих УКЦ сегодня под 100 тысяч рублей. И это большинство наших преподавателей, это их заработок помимо ставки в университете. В каждом центре работают по 10–15 человек. Кроме денег, это полезно для них самих — ведь они работают с практиками, в итоге их не надо отправлять на повышение квалификации. Там происходит интенсивный обмен знаниями.

Вообще, говоря об инновационности в гуманитарных вузах, подчеркну, что главный наш научный продукт — книга. Причем, как правило, эта работа не оплачивается государством. Так сказать, продукт, созданный личным трудом. Но это же колоссальные затраты рабочей силы, интеллекта. Наше российское общество еще не научилось оценивать этот труд в материальных единицах. Как-то принято, что патент — это да, вот он зарегистрирован и так далее. Он столько-то стоит. Но книга — такой же продукт, не менее актуальный. Я хочу заняться этой проблемой и выработать методику оценки труда гуманитариев в материальном исчислении. Ведь тогда можно объективно сравнивать разные вузы, разные исследования, причем учитывая фактор «затраты — отдача».

За свои деньги БГУЭП приобрел и построил 62 корпуса в четырех городах Восточной Сибири.

— **Для гуманитарных вузов самый популярный способ заработка — открывать филиалы. У вас их четыре. Они создавались с какой целью?**

— Вам может показаться парадоксальным, но мы с филиалов не берем ни копейки. Они работают на наш бренд, и это для нас главное. Например, в Читинском институте (филиале) пять тысяч студентов и 11 учебных корпусов. Администрация региона поняла, что мы ведем нормальную политику, и недавно передала нам казармы атаманского казачьего полка. Мы уже два из четырех корпусов восстановили: там потолки — четыре с половиной метра, прекрасные аудитории! Заработаем еще 150 миллионов — и восстановим оставшиеся корпуса. В итоге у нас уже одиннадцать корпусов в центре Читы, и наш филиал по всем рейтингам выше местного госуниверситета. А филиал в Усть-Илимске, после того как там обанкротились все вузы, в том числе и филиал Сибирского федерального университета, остался единственным высшим учебным заведением в городе. Это тоже последствия нашей политики — там вся материальная база своя, мы ее выкупили у развалившегося «Илимлеса». А это не только учебные здания, но и спорткомплекс и так далее.

Перед филиалами я ставлю только одно условие — они обязаны инвестировать в свое развитие. Не будут инвестировать — мы изыдем у них деньги и сами будем это делать.

— **Вы перед ними ставите какие-то нормы инвестирования?**

— Нет. Я просто смотрю их смету и вижу, куда они тратят деньги.

— **А в головном вузе какая доля бюджета идет на развитие?**

— В хорошее время — половина. Но последние три года ситуация изменилась — около четверти, потому что государство не повышает зарплату преподавателям, ставки низкие. Поэтому повышаем заработную плату за счет собственных средств. Уже нет возможности тратиться на новые корпуса. Кроме того, мы достигли некоего предела — в Иркутске нам нужна еще пара корпусов, и можно передохнуть, устроить социальную паузу. Переувлекаться площадями тоже нет смысла, их же надо эксплуатировать, поддерживать при нынешних ставках ЖКХ. Сейчас активно проводим социальные программы (строительство жилья, помощь молодым, повышение стимулирующей доли труда и так далее).

Столик и флажок

— **Как вы оцениваете нынешний рынок абитуриентов, за который**

вам, как ни крути, приходится бороться?

— Могу сказать, что он не такой уж большой. Да и конкурентная среда очень жесткая. Кстати говоря, высшее образование — одна из немногих отраслей в России, где действительно есть реальная конкуренция. Потому что вузов — много, только у нас в Иркутске их сорок! И все знают, что по демпинговым ценам можно получить диплом в частном вузе, при этом Министерство образования «наваливается» на свои, государственные, говоря об их неэффективности.

Я разговаривал с одним депутатом, спрашивал: почему так. Оказывается, позиция их проста: частные вузы выдают те же государственные дипломы, пополняют красивую статистику по высшему образованию и при этом не требуют бюджетных денег. Но это же ущербная философия! Вот сейчас взрываются космические корабли — это следствие низкого уровня квалификации кадров, специалистов-то нормальных не осталось, инженеры бракованные. Но бракованные экономисты и юристы еще опаснее — они могут загубить предприятие или человеческую судьбу.

— **Как вы в связи с этим относитесь к последнему мониторингу вузов, который провело Министерство образования и науки?**

— Можно его бесконечно ругать, но факт в том, что это хоть какая-то система оценки. Оценивали вузы по 45 показателям, потом выхватили оттуда пять. Можно было вычислить другие пять — они были бы не лучше. Но по любым показателям, поверьте, мы придем к такому же итогу — около трети вузов неэффективны. Да и показатели оценки, надо сказать, не такие абсурдные. Вот, допустим, критикуют показатель по иностранным студентам. Но представьте себя на месте ректора. Количество абитуриентов сокращается, рынок падает, и перед вами стоит проблема: сокращать вуз, сворачивать работу или привлечь иностранцев. Что бы вы сделали?

— **Как ректор, конечно, привлеч бы иностранцев.**

— Вот и государству нужно вести себя так же. Это ведь хорошее средство решения проблемы так называемых лишних вузов. Для этого даже денег особенно не нужно — нужно просто дать нам возможность нормально учить иностранцев. Вот у американцев третья-четвертая статья экспорта — это образовательные услуги. К тому же они многих умных людей у себя оставляют. И третье — политический момент. Сегодня 42 президента за рубежом — выпускники американских вузов. Чью сторону они держат? Известно чью, ведь они думают так,

как их учили в Америке, они там молодость провели. В Иркутске тоже такое, кстати, было. Почти вся нынешняя элита Монголии, скажем, прошла через наш университет, и все они до сих пор к нам тянутся.

Четыре года назад мы посчитали, что численность абитуриентов в России будет резко падать. А развиваться-то нужно! Оценили мировой образовательный рынок и пришли к выводу, что наша цель — Китай. Он и ближе, и покупательская способность у них высокая.

— Сколько за эти четыре года в итоге удалось привлечь студентов?

— В головном вузе у нас 500 человек, пять процентов. Мы поставили задачу довести до тысячи человек. Помимо прочего иностранец ведь платит в два раза больше, чем наш. То есть мы за эти деньги можем помочь и нашим студентам, и инвестировать в развитие университета. Хочу сказать про цену — с китайцев мы берем сейчас 3–4 тысячи долларов. На мировом рынке образования нормальная цена — 15–20 тысяч долларов. То есть у нас классическая стратегия демпинга, нам надо завоевать рынок, поэтому с ценой пока не перегибаем. Нужно, чтобы к нам привыкли, узнали, заговорили о нас...

— Сарафанное радио в вопросах привлечения студентов из Китая — хороший помощник?

— Отчасти да. Но одно только сарафанное радио — этого мало. В прошлом году мы приехали в Китай на образовательную выставку, что-то вроде нашего ВДНХ, только в десять раз больше. Представьте — в одном месте собрались 500 тысяч абитуриентов, и каждый выбирает себе университет. Там все ведущие европейские и американские вузы, у американцев вообще целый корпус представителей был. Причем везде присутствует посол, и там идет, по сути, вербовка: крутятся фильмы об университете, показывают образ жизни в Америке. А мы пришли к стенду России: столик, флажок и никого. И вот стоим мы втроем: я и два проректора. Вот вам и выход на мировой рынок. Ведь по-хорошему у российского министра образования один заместитель должен весь год работать в Китае — там реальный рынок. Но пока только разговоры идут.

— Тем не менее статистика по приему иностранных студентов у нас растет. Значит, не все так безнадежно?

— Просто вузы стали работать индивидуально. Но условий — никаких. Знали бы вы, сколько у иностранного студента проблем с оформлением визы. А потом он хочет домой съездить — это еще ворох проблем. А у них в Китае один ребенок в семье, родители

хотели бы приехать к нему. Мы родителей селим в общежитиях, но целое дело — оформить визы. А полиция! Раньше было обычным делом, когда они залетали по ночам в общежитие и всех проверяли. Они ведь привыкли с гастарбайтерами так орудовать. Вот это и есть реальная практика. В итоге получается, что американцы ждут у себя самых умных, а мы — гастарбайтеров. Жилье. Наши общежития — это казармы. Надо срочно строить теплые современные студенческие городки. Да много чего надо!

Каждому губернатору по вузу

— Вернемся к мониторингу вузов. Иркутская область стала здесь своеобразным антилидером — в регионе нашли сразу четыре неэффективных вуза, в том числе академию образования и лингвистический университет. Скажите как председатель совета ректоров региона — что будет с ними?

— Насколько мне известно, губернатор принял решение создать на их базе объединенный университет.

— А он имеет на это полномочия?

— Да. Об этом мало говорится, но новый закон об образовании дает право губернаторам создавать за счет региональных бюджетов

федеральные и иные университеты. Когда я прочитал эту норму, сразу подумал, что сейчас все побегут в Москву просить софинансирования. И точно! Уже много заявок лежит в Минобре от регионов на создание федеральных университетов. Мне даже смешно от этого стало. Известно же, что прорывных вузов много не надо, хватит десятка. А остальные должны быть просто нормальными, надо дать им свободу, и пусть они сражаются на рынке. А если каждый регион создаст по федеральному университету — чем они будут отличаться?

Вот у меня отец был председателем колхоза в 50-е годы. И тогда была политика объединения «неперспективных деревень». Это были по существу хутора, которые сейчас берут за образец как фермерское хозяйство. И вот колхоз моего отца становился все крупнее и крупнее, ибо к нему присоединяли маленькие. Но деревни-то гибли, оставалось только центральное село. Вы сейчас поедете за город — там пустыня. То же может случиться и с вузами.

— О проблеме интеграции вузов в федеральные университеты действительно было сказано много. Есть ли, на ваш взгляд, у них другие заранее порочные свойства?

— Базовая проблема в том, что государство пичкает деньгами

статусные вузы, которыми часто управляют заранее неспособные люди, не эффективные менеджеры, а те, кто «ближе к телу». Поэтому у нас в России ни одного бренда нет, кроме автомата Калашникова. Также и федеральные университеты — большинство из них возглавляют бывшие чиновники, а значит, у них и чиновничий подход, который выливается в классический принцип — доить бюджет. Надо поощрять тех, кто вырос сам, кто способен развиваться.

Другая проблема — уровень финансирования. Посмотрите на тот же Китай: там вузам при их дефиците земли дают по 200—300 га на строительство кампусов. И там все варяется в одном котле: преподаватели и студенты. У нас столько земли никому так и не дали, даже федеральным университетам. Да и уровень бюджетных инвестиций, хотя и преподносится как щедрый, по мировым меркам — копейки. Уровень финансирования прорывного вуза в США — два-четыре миллиарда долларов, это, к примеру, весь бюджет Иркутской области. А федеральным университетам дали по несколько миллиардов рублей и хотим, чтобы они были конкурентоспособными на мировом рынке.

Замечу, что это не только проблема региональных вузов. Хотя московские вузы весьма напыщенны, но, поверьте мне, если

бы нашим абитуриентам давали реальную возможность поехать учиться в Европу — они бы поехали туда мимо Москвы.

Ректор — это никто

— Вы говорили, что в 90-е годы у вас была свобода, а потом ее постепенно отобрали. В чем вас ограничивают?

— Самое главное — все, что сейчас зарабатывает университет, ему не принадлежит. Вот мы построили корпус на свои деньги — по закону он стал федеральной собственностью. То есть завтра эти корпуса могут приватизировать, а нас оттуда просто выселить. Большинство с этим мирятся и просто начинают складывать деньги себе в карман. Знаете, многие ректоры — очень богатые люди, которые спокойно живут за рубежом. Мотивации инвестировать нет. Нужно ввести и узаконить вузовскую собственность. Сейчас все, что зарабатывается и направляется на новое строительство или покупку оборудования, автоматически становится собственностью государства. Мало того, вуз, когда инвестирует, еще и платит дополнительно налог 20% (как любая коммерческая структура). Абсурд! Три года назад мы построили на свои средства корпус, заплатив за него 150 миллионов, плюс налогов

государству внесли за него же 30 миллионов. Налоги по новому бюджетному кодексу введены для вузов такие же, как коммерсантам, хотя вузы государственные и пополняют государственную казну.

Второе. Раньше, в 90-е, вуз мог обслуживаться в банке, брать кредиты. Но в 1998 году нас завернули в казначейство, хранить деньги в коммерческих банках бюджетным организациям запрещено. В итоге подпись ректора стала второй, начальник казначейства решает, куда тратить деньги. Поэтому американский ректор — он глава корпорации, а российский — никто, даже если это ректор МГУ. О какой конкуренции вузов на мировом рынке мы говорим, если я даже карандаш себе не могу купить без подписи чиновника? Конкурировать могут только равные.

Запретив вузам обслуживаться в банках, государство тем самым запретило всякую свободную финансовую деятельность российских вузов под предлогом борьбы с коррупцией (возможные откаты банков за депозиты). Но это ведь проблема государства — борьба с коррупцией. А зачем закрывать нормальный рыночный механизм финансирования?

Если бы сейчас у меня была возможность взять кредит в банке, мы бы за полтора года построили новый корпус, и за 4 года за счет привлечения иностранцев его бы окупили. Но такой возможности нет, значит, сначала нужно накопить, а потом строить. А это сильно сдерживает развитие.

Наконец, зарубежные вузы интегрированы в мировую науку, там можно привлечь иностранных профессоров и так далее. У нас очень сложное оформление обменов зарубежными специалистами.

— Это вы про физика Данилова?

— Вот именно. Но у нас-то секретов нет. Контролирующие органы сейчас стали работать, как в Советском Союзе. И потом — зарубежный профессор получает 80—100 тысяч долларов в год. Мы ему столько же должны платить. А где такие деньги взять? У нас ставки в десять раз меньше, хотя по уровню квалификации наши профессора несколько не ниже. Это искусственно созданный миф, что мы так отстаем от них, — любим себя клеймить...

Сергей ЧЕРНЫШОВ,
«Эксперт Сибирь», №9 (365),
4 марта 2013 г.

В РАМКАХ СВОБОДЫ

11 апреля 2011 г. председатель правительства Российской Федерации В.В. Путин дал поручение по подготовке программы модернизации образования. В рамках нового этапа развития системы образования должны быть отобраны идеи и предложения, отличающиеся максимальной конкретностью и деловитостью. О видении перемен в высшем образовании глазами его региональных представителей журналисту Екатерине Востриковой рассказал председатель совета ректоров вузов Иркутской области, ректор Байкальского государственного университета экономики и права профессор Михаил Винокуров.

— **Я** ВОЗГЛАВЛЯЮ университет с начала перестройки и все эти годы слышу о реформе высшей школы. Но пока еще ни разу никто не дал четкого ответа на вопрос «Зачем?» В лучшем случае звучит невнятное: «чтобы повысить качество образования». На мой взгляд, образование у нас в стране не такое уж плохое, как принято считать. Другое дело, что само устройство высшей школы не позволяет ей сегодня выполнять ряд необходимых задач, например подпитывать науку кадрами и идеями. Большинство сегодняшних вузов — сугубо образовательные учреждения. Так сложилось со времен Совет-

ского Союза. Их задача — готовить специалистов для народного хозяйства: врачей, учителей, инженеров, технологов, геологов и т.д. Наука была и остается прерогативой РАН. Такое разделение абсолютно не мешало в советское время: тогда в административном порядке создавали лаборатории, «тасовали» в них аспирантов, направляли туда студентов... Сейчас это невозможно. Сложности начались как у высшей школы, так и у академической науки. Накопившиеся проблемы надо решать, но не выпуская из внимания тот самый вопрос «Зачем?»

— **Например?**

— Например, сегодня прослеживается тенденция укрупнения

вузов. Нужно четко понимать, какие задачи при этом решаются, в чем смысл этого укрупнения? Скажем, есть государственный университет с пятью корпусами и технический институт с десятью корпусами. Объединив их, мы получим вуз с пятнадцатью корпусами и одним-двумя десятками общежитий в разных концах города. Будет ли это способствовать повышению качества образования или развитию науки, если преподаватели остались прежними, специальности те же, ни у того, ни у другого нет современных научных лабораторий? Не думаю, что такое объединение сократит даже издержки на содержание аппарата управления.

Укрупнение вузов, на мой взгляд, оправданно в нескольких случаях. Первый — если мы типичный образовательный вуз объединим с научными институтами, которые сегодня относятся к Академии наук, то мы получим настоящий исследовательский университет, который будет акцентироваться на научной работе и подготовке будущих ученых, тут же, еще на студенческой скамье, вовлекать их в исследования, заниматься прикладными разработками, открывать инновационные предприятия. Подобный эксперимент провели когда-то в Новосибирске — создали государственный университет в Академгород-

ке по соседству с научно-исследовательскими институтами СО АН СССР. И это сработало.

Второй случай — если мы объединяем несколько ступеней подготовки кадров, создавая своего рода вертикально-интегрированную образовательную структуру: среднее профессиональное образование — бакалавриат — магистратура — центр повышения квалификации — такие вузы будут выпускать и переучивать кадры для конкретных отраслей экономики.

Есть еще один вариант, правда, пока не апробированный (практические подходы к нему отрабатываются в Томске) — создание крупных научно-образовательных холдингов, в которые вошли бы и научно-исследовательские институты, и вузы, но при сохранении статуса юридических лиц. Желательно, чтобы такие холдинги находились под патронажем крупных государственных корпораций. В рамках научно-образовательных холдингов в идеале реализовывалась бы вся технологическая «цепочка»: наука — подготовка высококвалифицированных кадров — внедрение научных идей в производство. **Указанные типы вузов надо оставить на федеральном финансировании.**

— **А остальные вузы закрыть?**

— Зачем же. В стране десятки небольших вузов работают пре-

имущественно на региональные рынки труда: сельхозинституты, медицинские и педагогические университеты, академии культуры. Закрывать их — значит обескровить экономику и социальную сферу региона. Но в этом случае **одним из каналов финансирования подготовки специалистов должны стать бюджеты субъектов Федерации и муниципальных образований.** Целевая подготовка кадров за счет региональных бюджетов, кстати, будет способствовать закреплению специалистов на местах, а это одна из насущных проблем сегодняшнего дня.

Повторюсь, образование у нас в стране не из рук вон плохое. Ему бы немного денег, и масса проблем была бы снята. Небольшой пример: в Швейцарии расходы на одного студента составляют почти 30 тысяч евро — сюда входят все услуги от работы преподавателей и библиотечной системы до бытовых условий студента. Россия с 3—4 тысячами евро на одного студента находится позади Польши и Эстонии.

— **То есть вы видите выход в резком увеличении государственных ассигнований на высшую школу?**

— Это, конечно, было бы здорово. Но заметьте, я говорил не о расходах государства на одного студента, а о расходах вуза. У тех же западных университетов есть несколько источников финанси-

рования — это не только поддержка государства, но и спонсорская помощь, и собственные средства вуза: плата за обучение, в том числе за обучение иностранных студентов, плата за научные консультации, доходы от продажи научных разработок, бизнес-планов и проектов, банковские кредиты, гранты... То есть там — **многоканальная система финансирования университетов.** У нас подобная практика, к сожалению, пока не развита. Как и институт спонсорства. В некоторых американских вузах он достигает 25—30% бюджета учебного заведения. Идешь по территории такого университета и то и дело встречаешь таблички на зданиях: «Построено в дар от такого-то». У нас такой дар автоматически передается в собственность государства, и никто не гарантирует, что в ходе очередной приватизации здание не будет продано «чужому дяде». Чтобы такой источник заработал в России, необходимо гарантировать, что дар будет принадлежать университетской корпорации, а не государству, а кроме того, пересмотреть законодательство РФ в части спонсирования и дарения. Нужно ввести налоговые льготы благотворителям, исключить ситуации, когда серьезное пожертвование рассматривается фискальными органами как вывод средств и повод для бесконечных проверок.

Государство остается главным кормильцем большинства вузов, оперируя при этом минимальными стандартами обеспечения. Его можно понять: денег хотят все, но на всех их, как обычно, не хватает. Но в таком случае надо честно это признать и дать вузам определенную финансовую и правовую автономию, проще говоря, возможность зарабатывать и распоряжаться заработанным.

— **Сейчас у вас этой возможности нет?**

— Есть. Но с большими оговорками. Университет имеет право зарабатывать средства, скажем, принимая студентов на платное обучение. Но не может получать доход, продавая лицензии и патенты на свои изобретения.

Можно открывать при вузе малые наукоемкие предприятия и даже привлекать бизнес в качестве инвестора и партнера. Но нельзя вносить в уставный капитал ничего, кроме своей интеллектуальной собственности, а то, что разрешено в деньгах (до 500 тысяч рублей) — просто смешно. А попробуйте создать совместные лаборатории или институты с зарубежными университетами! Здесь столько препятствий, преодолеть которые можно, лишь внося существенные изменения в законодательство о высшей школе. Об этом прямо сказали представители научной российской диаспоры за ру-

бежом на недавней встрече с Президентом РФ Д.А. Медведевым.

Во времена Б.Н. Ельцина государственные вузы могли положить заработанные внебюджетные деньги в любой банк, теперь — только в казначейство. Кого-то испугало, что вузы стали получать проценты на вклады, но что в этом плохого? Если отменить эти ограничения, у вузов появится возможность дополнительного финансирования расходов на обучение студентов и социальную поддержку научно-педагогических коллективов.

— **Но разве ФЗ РФ «Об автономных учреждениях» от 11 октября 2006 года не открывает перед вузами возможностей широкой свободы деятельности?**

— В том то и дело, что нет. Для самих вузов на первый взгляд свобода открывается, а их руководители связываются по рукам и ногам. Во-первых, ректоры назначаются учредителем, а не избираются коллективом; во-вторых, появляется масса надсмотрщиков (до 11 человек) в виде наблюдательного совета, в котором представители автономного учреждения не могут превышать 1/3 от общего состава; в-третьих, полномочия ректора в любой момент могут быть прекращены учредителем. Вот вам и вся свобода. Неслучайно лишь редкие вузы перешли в статус АУ. Ис-

ключение составляют федеральные университеты, которые сразу создаются как автономные.

— **Сегодня приток абитуриентов в вузы значительно сократился — следствие демографической ямы 1990-х годов. Какую угрозу это несет для вузов?**

— Главная опасность, которую я вижу в этой ситуации, — пойти по пути сокращения профессорско-преподавательского состава, закрытия части вузов. Мы уже в свое время из-за демографического провала закрыли массу детских садов, а теперь не знаем, куда девать детей: мест катастрофически не хватает. То же самое может получиться с высшей школой. Зачем наступать на старые грабли? У нас есть кадры, есть места — давайте заполним их иностранными студентами. Во всем мире обучение иностранцев — очень выгодный бизнес. В Австралии например, первая статья экспорта сегодня не шерсть, как было раньше, а образовательные услуги. В России хорошие научные школы математики, физики, программирования. Медицине мы учим весьма и весьма неплохо. Спрос будет.

Мы проиграли битву за иностранного студента — возразят мне. Я думаю, не проиграли. Надо ввязываться в драку, но делать это с умом. Должна быть четкая государственная политика на

этот счет: требуется восстановить центры обучения русскому языку для иностранных студентов, построить нормальные общежития, пересмотреть миграционное законодательство. В Байкальском государственном университете экономики и права сегодня обучается около 300 студентов из КНР — так они пока из общежития до вуза доходят, милиция успевает по три раза документы у них проверить. Разве это дело?! Иностранец студент в России не имеет права подрабатывать, хотя в любой другой стране мира учащаяся молодежь работает без проблем. Ну и выходить на мировой рынок образовательных услуг надо с разумным ценовым демпингом — начать, например, с 5 тысяч долларов за обучение одного иностранного студента. Этого достаточно, чтобы появилась масса желающих учиться в России. Потом постепенно, по мере повышения котировок российского образования за рубежом, поднимать цену.

Таким образом мы достигнем двух целей: получим средства, за счет которых сможем качественнее обучать своих студентов, а в лице иностранных выпускников приобретем активных сторонников и друзей России в мире.

«Поиск», №22 (1148),
3 июня 2011 г.

УНИВЕРСИТЕТЫ ВСЕГДА БЫЛИ КОЛЫБЕЛЬЮ ДЕМОКРАТИИ

Ректор Байкальского государственного университета экономики и права Михаил Алексеевич Винокуров — человек в Иркутской области известный. Ученый, руководитель крупнейшего вуза, экономист с собственным, зачастую отличающимся от официального мнением, он не боится думать самостоятельно и говорить вслух то, что думает. В прошлом номере «Байкальские вести» рассказали о вручении ректору БГУЭП, председателю совета ректоров вузов Приангарья высокой государственной награды — ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени. Признаемся, это был хороший повод, чтобы пригласить Михаила Винокурова к нам в редакцию, на встречу с журналистами.

«Ничего они не могут»

— Михаил Алексеевич, ваша статья о необходимости распределить министерства федерального правительства по регионам страны в зависимости от их специализации (в том числе агентство лесного хозяйства в Иркутскую область) наделала немало шума. А были какие-то официальные решения по этому поводу?

— Когда статья, о которой вы говорите, вышла в свет, в Иркутск для проведения заседания Государственного совета по борьбе с наркоманией как раз прибыл президент Российской Федера-

ции Дмитрий Медведев. Так получилось, что я передал брошюру с этой статьей помощнику президента, и через неделю Медведев выступил с инициативой вынести министерства — правда, не в регионы, а за Московскую кольцевую автодорогу. То есть статья-то, видимо, прочитали, но поняли по-своему.

Многие оппоненты говорили мне, что такое рассредоточение министерств по стране разрушит систему управления. Я считаю, наоборот, оно крепче свяжет регионы с федеральным центром. Нынешние министерства — это же по сути корпорации, причем

не очень крупные, и сидеть им в Москве нет никакого резона. В регионе они будут приносить больше пользы, дадут толчок их экономическому развитию. Министерство сельского хозяйства, например, можно перевести в Краснодарский край — там жителя страны, там квалифицированные кадры, можно будет пополнять министерство настоящими специалистами и знатоками своего дела. Министерство культуры перенести в Санкт-Петербург, придав ему (Петербургу) действительно статус культурной столицы России. Агентство рыбного хозяйства — во Владивосток и т.д. и т.д.

— **В СМИ проходила информация, что за последние пять лет количество чиновников выросло на 20%. Вам не кажется это странным: количество рабочих и других людей производительного труда сокращается, а количество управленцев растет?**

— Приведу пример из практики. Наш вуз построил дом по улице Коммунистической. А сдать его мы не можем, потому что за время строительства изменились нормативы и регламенты. Когда мы начинали его строить, то имели все необходимые разрешения, но за небольшое время уже появилось множество новых правил, и окончательную подпись теперь нужно получать в Моск-

ве. Один жилой дом — а разрешение на его ввод получать в Москве! Нужно срочно сокращать количество функций у чиновников. Правительство и парламент занимаются совершенно не тем, чем нужно: вместо того чтобы разрабатывать стратегию развития страны, они решают, какой должна быть тонировка машин. Да разве это их уровня дело?

В Византии в свое время была введена практика узаконенной продажи государственных должностей. Все официально: доход от продажи шел императору — и вот он-то в зависимости от состояния казны регулировал численность чиновников. Он был заинтересован в «оптимизации» их численности время от времени. Может быть, пора и нам пойти тем же путем? *(Смеется.)*

В чем сейчас гибель нашего государства? Никто не следит за тем, как выполняются принятые решения. Много красивых слов и заявлений, а через пару месяцев копни, что в том или другом направлении сделано, — ничего! И все привыкли, что ничего делать не надо. Недавно на всех уровнях было объявлено о том, что нужно сократить на 20% количество вузов. Я собрал ректоров и сказал: не волнуйтесь, ничего они не сделают. Покричат-покричат и уймутся. Открыл недавно «Российскую газету»,

и правда, как в воду смотрел: премьер-министр в Санкт-Петербурге сказал, что он не сторонник «чикать» университеты. Хотя по большому счету половина негосударственных вузов (а их в стране около тысячи) никаким нормативам не соответствует. Если государство хочет повысить качество российского диплома, в первую очередь нужно избавляться от этих вузов. У многих из них нет ни кадров, ни площадей, ни оборудования. Давайте закроем их!

Перераспределять потоки

За государственные вузы отвечает государство. Оно должно помогать им. Если не хватает студентов, пусть чиновники министерства едут в Китай и там ищут студентов для российских вузов. Мы для себя решили: тысячу китайцев нужно обучать, а потом и больше. У нас уже учатся 300 человек из Китая, постепенно доведем эту цифру до 1500 — они платят в два раза больше и при этом подготовлены намного лучше, по крайней мере по математике.

— **Не могли бы вы тогда охарактеризовать систему общего среднего образования?**

— Недавно мне вручали орден, и я сидел рядом с Иосифом Кобзоном. Он все время бурчал, что

на культуру выделяется 0,54% федерального бюджета. Это просто нищенство! Если нет денег — примите закон о меценатстве. Завал российской школы именно в этом: нет денег. Были бы деньги, и учителя из школ не бежали бы, а сейчас кто пойдет работать за 8 тысяч?

— **Вы наверняка анализировали ситуацию — что же делать?**

— Перераспределять финансовые потоки. Зачем нам такие траты на государственный аппарат? С точки зрения сохранности государства культура дает гораздо больше. Нужна эффективная система управления, нужна ротация кадров. Запустить механизм ротации можно через демократические выборы, и лучше механизма никто не придумал.

— **Напрашивается встречный вопрос: вы за ротацию, но ведь и вы руководите своим вузом не первый год и даже не десятый?**

— Но меня же не назначают, выборы выигрываю на альтернативной основе. Впервые я выиграл выборы, когда Михаил Горбачев эту систему разрешил. И хотя я был тогда проректором, шел не по рекомендации обкома партии, но выиграл. Мне тогда грозили всякими карами и взысканиями. Все выдержал. Я был одним из самых молодых ректоров в Советском Союзе. Сейчас решил полностью заменить коман-

ду, пусть к управлению университетом придут молодые перспективные кадры.

— **В последнее время все чаще создается ощущение, что выборы ректоров стали интересны большим людям — какие-то финансовые схемы начинают откатывать, имущество считать. Вот недавно ректора в Санкт-Петербурге убили...**

— Собственность вузов, здания в центре города вызывают кое у кого нездоровые аппетиты. У нас, в Байкальском университете, например, 69 корпусов и бюджет около 2 миллиардов рублей — как у хорошего предприятия. Причем большую часть средств мы зарабатываем сами. И моя задача — сохранить вуз. Если придет варяг, угробит сразу. Как бы мы ни критиковали 90-е годы, Борис Ельцин демократические права и свободы уважал. К нам приезжали делегации из Франции, Германии, я им рассказывал, как у нас обстоят дела, и мне говорили: да, у вас настоящая демократия. Я считаю, что нельзя вмешиваться в дела университетов. Университе-

ты всегда были колыбелью демократии. В них молодежь учится демократии. Вот, например, скоро выборы ректора ИГУ — пусть коллектив сам выберет толкового руководителя. Если сверху навяжут чужого ректора — погубят университет.

— **Как вы в целом оцениваете реформу образования?**

— Крайне отрицательно. Всю реформу свели к ЕГЭ, а ведь это просто форма экзамена, причем на Западе ее применяют далеко не все вузы и лучшие не применяют точно. Из учебных планов выкинули большую часть предметов. Зачем? Мне очень нравилась астрономия, а ее больше нет в числе обязательных предметов. И это в век космонавтики! Свели реформу к удешевлению образования и изнервляющему ЕГЭ. Я уже думаю о введении в штатное расписание ставки врача-психотерапевта. Из школ приходят совершенно измотанные дети, их нужно спасать.

Борис САМОЙЛОВ,
«Байкальские вести», №54,
17–23 сентября 2012 г.

ОБРАЗОВАНИЯ НЕ БЫВАЕТ МНОГО

ОБРАЗОВАНИЯ НЕ БЫВАЕТ МНОГО

Если технические вузы, откликаясь на призыв времени модернизировать Россию, открывают студенческие КБ, спецлаборатории и технопарки по производству инновационного продукта, то гуманитариям, оперирующим лишь чистыми абстракциями, вряд ли под силу с ними тягаться на поприще высоких технологий. Что же остается на их долю, чем они могут облагодетельствовать свое Отечество? С этим вопросом я обратился к профессору Михаилу Винокурову, ректору Байкальского государственного университета экономики и права.

— Я СЧИТАЮ, что гуманитарная подготовка важнее, чем инженерная. Что такое гуманитарий? Человек, свободно владеющий мыслительным процессом. Он смотрит на мир и глубже, и шире, выявляя причинно-следственные связи. Недаром мать всех наук — философия. В Древней Греции общество содержало философов, хотя с точки зрения прагматика они были балластом, не производящим никаких осязаемых материальных ценностей. Но именно их идеи двигали мир вперед. И они были столь фундаментальны, что их ценность сохранилась до наших дней.

— Потом пришли варвары, и...

— И общество, объявив гонения на мысль, на столетия погрузилось во мрак. Кто его рассеял в конце концов? Университеты. То есть те учебные заведения, где студентов учили мыслить. Вот и мы ставим такую задачу. Не пичкать сверх меры информацией, а научить превращать эту информацию в сырье для глубокого анализа. К сожалению, мы повторяем ошибку советских времен: российское возрождение связываем с технической революцией. Вот закупим новые станки, разработаем в наукоградах супертехнологии — и все образуется. Уверяю вас, не образуется.

— К умной технике должны прилагаться и мыслящие головы?

— Совершенно верно. Почему другие страны обходят нас? У нас чрезвычайно плохое управление. От царей и далее. Сколько мы сейчас собак вешаем на русского мужика: ленивый, пьющий... Да он вкалывает как папа Карло. Только труд у него не очень-то продуктивный, он подобно Сизифу катает впустую камни на гору. А они — обратно. Как была у нас в царевы времена производительность труда вчетверо меньше американской, такой она осталась и сейчас. Да, были технические прорывы: то же авиастроение, космос, где производительность была вдвое выше, но в национальном масштабе она выше четвертушки не поднималась.

— **Брали не умением, а числом.**

— И сейчас по тому же принципу. Мыслящих людей просто затирают. Доехали до того, что должности уже покупают. На каждую свой тариф, свои расценки. Европа идет от римского права, а мы — от византийских обычаев. Надо заметить, при советской власти существовала более обоснованная система отборов управленческих кадров. Были выработаны критерии, бравшие за основу все-таки деловые качества. Конечно, идеология сбивала точность прицела, позволяя партийным фразерам прокладывать себе путь вверх, но вместе с породой проскакивало и мно-

го золотых самородков. Наверху понимали, что без этих самородков экономике страны не обойтись. А сейчас вместо критериев — телец.

— **Почему бы не вернуться к Петровской табели о рангах, которая предполагала получение следующего чина только после экзамена, и предложить нашим крупным чиновникам пройти тестирование, выявить свой ай-кью? Не набрал минимального процента — гуляй, дядя.**

— Это было бы идеально. Особенно в случаях выборов руководителей территорий всех уровней. Это же громадная ответственность, надо иметь недюжинный управленческий талант, чтобы тащить такой груз. А у нас зачастую, особенно в муниципалитетах, попадают на этот пост люди совершенно неподготовленные, не знакомые с законодательством, основами планирования, азами бюджетной политики... Сильные лишь хваткой. Но может ли генерал, обладающий хваткой, но не владеющий тактикой, стратегией и прочими военными знаниями, выиграть сражение?

— **Но как его протестируешь, когда он, способный или неспособный, избран народом. Как говорится, после драки кулаками не машут.**

— Почему после драки, про- верить нужно до выборов, через рейтинг кандидатов. Своего рода

отборочное сито. Правда, боюсь, это утопия. Такого даже западные демократии не практикуют, считая ущемлением прав. Но дело, я думаю, не в правах, это лишь красивая отговорка.

— **А в чем?**

— Большинство боятся показать свое невежество. Что у них, что у нас. У нас, пожалуй, лишь в большей степени. вспомните нашу знаменитую перестройку. Это же начисто проигранное сражение. А какие были амбиции, какие заверения... Мы-то надеялись, что у наших революционеров есть четкий план, последовательность действий, предвидение последствий предпринимаемых шагов... А они оказались не мыслителями, а посредственными копиистами, у которых вместо цивилизованного рынка получился дубликат византийского базара.

— **Как вы оцениваете подготовку своих выпускников, их способность пользоваться своим мыслительным аппаратом?**

— Я считаю, наш университет по качеству получаемых знаний — один из ведущих в стране. Это не похвальба, а реальность. Наш гуманитарий более готов принять правильное решение, его мы научили мыслить, проигрывать ситуацию, смотреть, как в шахматах, на несколько ходов вперед. Не зря же банковский сектор Иркутска, Читы, Улан-

Удэ и Якутска на 80% укомплектован нашими выпускниками. А это тот самый сектор, где протекции и кумовство не работают, поскольку себе дороже. Там требуются действительно умные и компетентные управленцы.

— **Говорят, когда основатель научной организации труда Тейлор заявил, что предприятием должен управлять не владелец, а специально подготовленный менеджер, это вызвало возмущение капиталистов.**

— Естественно, он же сломал вековые стереотипы. Частник может управлять только на первоначальном накоплении капитала, когда все способы хороши. А для процветания большой компании нужны профессиональные мозги. За хорошие платят и хорошие деньги. Как я знаю, зарплата управляющих крупными американскими банками доходит до двухсот миллионов долларов в год. И, я думаю, не зря. Они с лихвой окупают эти деньги.

— **Есть мнение, и мнение довольно распространенное, что в стране переизбыток юристов и экономистов.**

— Образования много не бывает. Если мы уж коснулись статистики, то я так скажу: во всех российских вузах готовится за год столько юристов, сколько их обслуживает один Нью-Йорк. Там говорят: если американец три раза в жизни не судился, он не аме-

риканец. Я несколько раз бывал в США и видел воочию, как американцы свято верят в судебную систему. И не зря. Она призвана защищать гражданские права и действительно защищает. К примеру, попробуй задержи фирма привозку купленной кем-то мебели — иск в суд моментально готов. И будьте уверены, ущерб будет возмещен.

— Не смею спорить с вами, но все же считается, что США в первую очередь — инженерная страна.

— Вы уверены? Их экономика построена в большей степени на экономистах, юристах и управленцах, чем на инженерах. Именно они определяют направление развития, проводя маркетинговые обследования. Выясняют, что сегодня нужно обществу, в каком количестве, и дают команду инженеру исполнить социальный заказ. Да еще подсказывают, как наилучшим образом организовать производство, чтобы добиться максимальной производительности труда. Там сейчас основную долю в валовом продукте занимает не промышленность, а продукция научных разработок.

— А ваши сотрудники дают такие советы владельцам местных предприятий?

— Организация труда — это наш конек, вот только некому советы становится давать, от промышленности, как вы сам видите, ма-

ло что осталось. И тем ни менее нам заказывают провести исследования и по наилучшей организации труда, и по совершенствованию использования помещений, и по наиболее оптимальному разрешению экологических проблем... Например, Ангарск-нефтеоргсинтез просит дать рекомендации по повышению производительности труда. Это комплексная задача, в которой надо учесть и рассчитать много факторов: трудоемкость, т.е. численность людей; фондоемкость, т.е. количество оборудования, и прочие факторы. Поэтому исследование проводит целая группа. Зачастую ценность работы столь высока, что она выливается в одну-другую научную диссертацию.

— А обратный процесс случается — чтобы диссертация была востребована предприятием?

— И довольно часто. Мы всегда оповещаем предпринимателей, что пишется работа на интересующую их тему. Если они видят ее полезность, то начинают финансировать, а по завершении диссертации выкупают как интеллектуальный продукт. Нам это очень выгодно.

— Как я понимаю, ваши диссертации имеют прикладной характер и на полках не пылятся?

— Конечно, чем ближе связь науки с практикой, тем более быстро можно написать исследо-

вание. Взял статистику, выявил тенденции — и быстро защитился. Чисто теоретическую работу тяжело писать, в нее нужно мысли закладывать. И эти мысли не сиюминутные, они, может, прорастут только через несколько лет. За этой диссертацией не будут гоняться покупатели, она, как вы говорите, будет пылиться на полке, ожидая своего часа. Но он обязательно придет.

— Девиз ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени, которым вы недавно награждены и с которым мы вас поздравляем от всей души, звучит так — «Польза, честь и слава». Какое слово из них вам ближе?

— Конечно, польза. Польза для Отечества.

**Олег ГУЛЕВСКИЙ,
«Наука Приангарья», №3, 2012 г.**

СИЗИФОВ ТРУД НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СОЗИДАТЕЛЬНЫМ

Редакция предлагает вниманию читателей запись беседы ведущей программы «От первого лица» Натальи Бехтиной с ректором БГУЭП Михаилом Винокуровым, состоявшейся в прямом эфире на «Радио России» в Москве 4 февраля 2014 года. Надеемся, что тема беседы, вынесенная в заглавие материала, не оставит равнодушными тех, кто интересуется положением дел в сфере экономики, управления и подготовки кадров.

ЭКОНОМИСТ – одна из самых популярных и востребованных профессий в мире. Из-за широкого профиля деятельности человек, получивший экономическое образование, может работать практически в любой отрасли. Экономист – это прежде всего квалифицированный управленец, который выстраивает процессы таким образом, чтобы они были максимально эффективными. За это и ценят экономистов на Западе. В России же сложилась парадоксальная ситуация: на фоне жесткого кадрового голода в квалифицированных управляющих кадрах слово «экономист» звучит как ругательство. Считается, что это люди, не приспособленные к реальному труду, что рынок уже

переполнен такими специалистами... Однако при якобы перенасыщенности рынка экономика страны оставляет желать лучшего. И поднять ее могут только профессиональные управленцы, уверен Михаил Винокуров, ректор Байкальского государственного университета экономики и права. В интервью он поделился своим мнением о системе управления страной, потенциале развития Сибири и Дальнего Востока, а также будущем современной молодежи.

– Михаил Алексеевич, скажите, пожалуйста, вот вы обучаете детей экономическим премудростям. Я не стану говорить, что сто раз уже повторено, что слишком много у нас экономистов. Может, экономистов у нас и много, но экономика

оставляет желать лучшего, что называется, и даже кто-то говорит, что мы приближаемся к рецессии, к стагнации и т.д. Все-таки значит, экономическая наука не такая вот книжная, а вы сами мне сказали перед эфиром: «Я прикладник». Есть, значит, прикладная экономическая наука, для того чтобы всех этих проявлений безответственности, безалаберности, безграмотности экономической не было.

– Давайте определимся, что такое экономика. Я не буду много теоретизировать и скажу, что экономика – это организация людей и направление их на созидательный труд. Именно на созидательный – это ключевое слово. Все мы помним легенду о Сизифе: ему было суждено бесконечно закатывать на гору тяжелый камень, который, только достигнув вершины, тут же скатывался вниз. А, для того чтобы труд был созидательным, этим трудом надо, как минимум, управлять, а максимум – квалифицированно управлять. И чем квалифицированнее управляем, тем больше прогресс. Вот это определение экономики лежит в основе всего экономического образования в обществе. Чем толковее мы будем разъяснять людям, что это за наука, давать хотя бы азы экономики, тем грамотнее люди будут поступать в своей жизни. В том числе грамотнее будут поступать

и с точки зрения организации предприятия, бизнеса, домашнего хозяйства. Я не оговорился, домашнее хозяйство – это тоже своего рода предприятие. Оттого, как родители ведут дом, как распределяют бюджет, как в целом занимаются хозяйством, какую долю каждый из членов семьи вносит в общее формирование дохода, – от всех этих факторов очень сильно зависит экономическое воспитание ребенка. В будущем он эти основы, подкрепив новыми, более углубленными знаниями, сможет применить на настоящем предприятии, в бизнесе. Но, к сожалению, не все родители правильно преподносят эту схему. То есть надо среду всю образовывать и учить экономике.

– Сейчас кто только не говорит о том, что Сибирь и Дальний Восток надо развивать. Что это наш ресурс, такой богатейший, уникальный, эксклюзивный – как угодно назовите. И все что-то никак ни с места. Наоборот – идет деградация территории, закрываются крупные градообразующие предприятия, на полную мощность не используются отрасли, в которых есть огромный потенциал для развития. Говорят, что сюда надо людей из Центральной России переселять. Но как – ведь людям нужно создать условия для работы и жизни, а у нас их нет! Вы в

чем видите все-таки реальную перспективу развития этого региона?

— Как минимум, народ должен почувствовать, что там жить лучше. А как максимум, он просто должен иметь комфортную среду, чтобы там трудиться. Вот какие условия — ничего нового. К сожалению, экономику Сибири довели до такого состояния, что жизненный уровень здесь стал намного ниже, чем в центральных регионах России. Я сейчас не говорю про Москву — это отдельная тема, там уровень жизни примерно, как в Чехии. В бывшем соцлагере Чехия всегда была самой экономически развитой республикой с наибольшим доходом, с очень развитой промышленностью. И вот сейчас в России Москва примерно на этом уровне. А остальные регионы — значительно ниже. Например, Бурятия и ряд других территорий находятся на уровне Монголии, то есть по уровню жизни, уровню доходов населения отстают от Москвы-Чехии на порядок. И это — в одном государстве.

— Но в Монголии совсем иной образ жизни. Кроме того, эта страна развивается семимильными шагами.

— Я там был. Динамика развития — огромная. У них сейчас 20% в год прирост валового продукта. Нам такого и не снилось. Но и при таком развитии уровень

жизни там не дотягивает до европейского. Сравнивая уровень развития российских регионов, я имел в виду именно это.

— Пример других стран всегда интересен. Почему мы при более выигрышных стартовых позициях не смогли добиться 20%-ного прироста ВВП? За счет чего так развивается Монголия?

— Я думаю, они систему управления более правильную выбрали. У них хоть и значительная коррупция, как и во многих странах, но государство реально управляет экономикой. Нет такого бешеного вывоза капитала. Ничего не изымается. Там национальный патриотизм и в том числе бизнес-патриотизм. Я видел наших российских бизнесменов, которые бросили бизнес в России и уехали туда. Им там хорошо: совсем другие условия для ведения бизнеса. Но вот о патриотизме наши бизнесмены даже не задумываются. Это неудивительно — страна ведь тоже о них не думает, не создает им комфортную среду для работы. Именно поэтому у нас сегодня огромная утечка капитала идет в Казахстан, в ближайшие страны, в тот же Китай. Уезжают к соседям, потому что условия для ведения бизнеса значительно лучше — вот это экономика, понимаете?

— Это же элементарные вещи. Задам вам наивный вопрос: неуже-

ли те, кто принимает решения, не понимают, как надо жить?

— Я думаю, что и они понимают. Но понимать — одно, а принимать решение, направленное на исправление, — это другое. Для этого надо иметь политическую волю. И разумеется, необходимые знания об основах управления. Я увлекаюсь историей и вижу, что в России в отдельные периоды — квалифицированное управление, в другое — неквалифицированное. Чем квалифицированнее царь, генсек или еще кто-то, тем быстрее развивалась страна. А в эпоху неквалифицированных командиров «у руля» — топтались на месте. Это особенность нашей страны: мы верим в одного. Есть командир, начальник, он сидит наверху и решает, как жить. Единственно. Нам надо отказаться от такой модели. Отказаться ориентироваться только на одного. Почему мы себе вбили в голову, что он — единственный и только он знает, как лучше? Мы все должны быть квалифицированными. Поэтому экономистов надо, как минимум, пестовать, а максимум — прислушиваться к ним. Слушать и не бояться их допускать до управления. Ну да, кому-то это неудобно. Они будут своими решениями ломать стереотипы. Но в итоге мы придем к правильной модели экономики.

— Ваши студенты, на ваш взгляд, будут квалифицированными? На них можно будет положиться? Вот они в Иркутске учатся, а потом получают образование в вашем Байкальском университете и... уехали.

— К сожалению, такая практика есть, но я хочу сказать, что молодые — они растут как-то раскрепощенно, во-первых, а во-вторых, мы даже недооцениваем, насколько патриотична молодежь. Я недавно неожиданно встретил пятерых наших ребят в Москве. Это выпускники нашего факультета «Муниципальное управление». Они сколотили сначала группу, потом организовали бизнес и построили станкозавод с чехами вместе на Азовском море. Понимаете? Меня что поразило. Ни швейную мастерскую или магазин перевезли, а станкозавод. Ведь станкозавод — это основа индустрии. Молодцы ребята! Мне просто было приятно. И вот таких все больше и больше становится.

— Жалко, что не в Иркутской области, а на Азовском море.

— Я тоже спросил, почему на Азовском море? Говорят: «Так фортуна легла». Надо же, чтобы и регион условия создавал. Тогда предприятия будут расти. Но важно, что они его в России открыли, а не в той же Монголии. В этом и есть патриотичность.

— Как вы относитесь к тому, что сейчас будет предоставлена возможность нашим студентам учиться за рубежом? Ведь после обучения они могут захотеть там остаться и поднимать не нашу экономику, а западную.

— Я положительно оцениваю такую возможность. Считаю, что это хорошо. Должны быть разные школы. Мы всегда должны ратовать за то, чтобы были разные точки зрения. У разных профессоров свои мнения. Все эти точки зрения будут сталкиваться, спорить друг с другом, а в споре, как известно, рождается истина. Даже не в споре, а в дискуссии. У нашей страны уже был опыт замкнутой системы. Советский Союз замкнулся сам в себе, люди не видели другой жизни, не изучали языков, не стремились к развитию. Сейчас, слава богу, мы построили мир без границ: для российских студентов открыты все страны, они могут ездить на стажировку, набираться опыта, перенимать правильные эффективные идеи, расширять границы своего сознания, что очень важно. Поэтому мы должны использовать любые возможности, чтобы направлять ребят на учебу в Европу, Азию, Америку. Подчеркну — направлять, только временно направлять. Возвращать наших ребят на родину нужно обязательно. Для этого —

создавать им условия для работы и внутреннего роста здесь, в России. У нас в вузе есть пример — русский и французский факультеты, где выдают двойные дипломы. В итоге по окончании вуза им открыта дорога за границу: знание языка есть, диплом о получении высшего образования, который котируется во Франции, есть. Результат предсказуемый: 70% выпускников остается в Европе, потому что здесь, в России, мы не можем предложить им такую же работу, как во Франции. А они все на сто процентов там трудоустраиваются и получают зарплату раз в шесть больше, чем мы бы здесь могли платить. Так мы и теряем кадры. Вот беда-то в чем! У нас очень сужено сейчас рабочее поле. Высококвалифицированных рабочих мест мало.

— А как же обещанные 25 миллионов рабочих мест?

— Это только тезис, что надо трудоустроить 50 миллионов семей.

— А было б неплохо в Сибири и на Дальнем Востоке?!

— А я бы даже предложил, как это сделать. Вот мы говорим об экономическом образовании. Надо учить сначала мелкому бизнесу, семейному бизнесу — это основа экономической стабильности во многих странах. Чтобы помочь малому предпринимательству родиться, надо убрать с семьи все налоги. Допустим, се-

мья — отец и два его сына — открыли мастерскую. Если государство с них уберет на двадцать лет всякие налоги, включая подоходный, то они вырастят самостоятельный бизнес. Тут решается основная проблема: обеспечение молодежи рабочими местами. При такой схеме мы из необходимых 25 миллионов сразу 10 миллионов рабочих мест создадим. Вот это решение.

— Это дельное предложение. Вы его кому-нибудь озвучивали? Или никто не слушает?

— Никто. Я сколько уже пишу и выступаю. А ведь в принципе это просто, но у нас в Министерстве финансов налоговики правят. Не идеология управления правит, а какие-то... Не могу подобрать правильное слово.

— Бухгалтера.

— Вот-вот, вы правильно сказали. Бухгалтера и налоговики правят. А у них одна мысль — только изъять. А если бы мы 10 миллионам людей дали самим зарабатывать, они бы вкус почувствовали: они бы себя кормили, поили, соревновались между собой. И потом ту же среду создавали вокруг себя. Они же обустроивались бы, дома строили т.д. За счет этого и другие бы заняты стали. Вот так можно создать рабочие места.

— Я так понимаю, что реализовать эту схему мешает российская бюрократия?

— Вы знаете, я же одновременно еще и ректор, и меня просто иногда до бешенства доводит, сколько мы придумали всяких законов, инструкций, правил. Вот в 90-е годы свободно было. Например, дом построить. Главное для меня было — найти деньги и начать строить. Сейчас мы бьемся над очередным строительством дома седьмой год, не можем согласовать с Минобрнауки, Росимуществом и другими структурами, потому что такие законы. Вроде бы и президент за то, чтобы людям создавать условия, а воз и ныне там. Надо разбюрократизировать экономику. У нас этого уж слишком много.

— Ну, Михаил Алексеевич, карты в руки вашим студентам. Будем надеяться, что будущее за разбюрократизированной, деофшоризованной и прочей экономикой.

— Если говорить о студенчестве... Может, я прикипел душой к студентам, я всю жизнь с ними. Хорошая атмосфера. Меня радует, что у нас среди молодежи большинство — оптимисты. С ними легко и радостно работать, потому что они действительно очень светлые люди и все смотрят оптимистично. Я думаю, только за ними и будущее!

«Аргументы недели.
Восточная Сибирь», №5(397),
13 февраля 2014 г.

РАЗГОВОР В ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

интервью ректора Байкальского государственного университета экономики и права М.А. Винокурова телекомпании «АИСТ»

Журналист телекомпании «АИСТ» Вера Рыжкович: «В День российского студенчества, или, как его еще называют, Татьянин день, разговор будет о студентах, об образовании, о высшей школе. Мой собеседник – ректор Байкальского государственного университета экономики и права Михаил Винокуров».

— Добрый день!

— Здравствуйте, Михаил Алексеевич, очень рада, что вы нашли время прийти к нам в студию, поскольку разговор уже заявлен тематическим. Какой, на ваш взгляд, сегодняшний студент? Обычно в подобных случаях говорят: «Мы такими не были...»

— Это, конечно, известная присказка. Во все времена студенчество — это молодость. А молодость — моя, ваша, нынешних студентов — это лучшее время жизни, и все, что свойственно молодости: выбор жизненного пути, самоутверждение, любовные увлечения — все это было, есть и будет, сколько бы поколений молодых людей ни сменялось.

— Говорят, что сегодняшней молодежи не так свойственна романтика, как предшествующим

поколениям, и вот, в частности, выбирая будущую профессию, многие ориентируются на кошелек, смотрят, какие заработные платы будут в будущем, если станешь экономистом, юристом, может быть, технологом нефтегазового комплекса. Не выбирают сердцем.

— Вы правы. Я могу сравнивать студентов нашего вуза. Прагматизм сейчас намного больше, особенно у студенток, чем было 30–40 лет назад. Это, видимо, веление времени, потому что сейчас материальное положение человека существенно значимо в обществе. У нас сейчас социальная дифференциация огромная, поэтому люди ориентируются на материальное благосостояние. И я хочу сказать, что тех людей, которых мы готовим в Байкальском университете, романтиками

назвать, конечно, нельзя. Я бы слово «романтики» заменил словом «оптимисты». Так вот, наши студенты с оптимизмом смотрят в будущее с точки зрения своего прагматизма.

— Когда вы сами выбирали профессию, вам этот прагматизм в какой-то степени был свойственен?

— Я меньше всего думал тогда о прагматизме. Сейчас на это дело больше обращают внимание, особенно родители, когда оплачивают учебу своих детей. Они думают: наш ребенок будет зарабатывать приличные деньги или не будет. И исходя из этого оплачивают учебу сына, дочери.

— Все равно, для того чтобы студент в будущем зарабатывал, одного диплома мало. Люди учатся в одинаковых вузах, а зарабатывают все по-разному. Все-таки здесь много зависит от личности...

— Несомненно, от способности, контактности человека и от того, как он проявляет себя в обществе, в коллективе.

— Байкальский университет на дальнейшее трудоустройство своих выпускников, как я понимаю, не жалуется.

— Мы неоднократно делали замеры по уровню и характеру трудоустройства наших выпускников, и нас удовлетворяет ситуация, когда 80–90% устраиваются на работу — это нормально. Какой-то процент не устраивает-

ся — это тоже нормально. А так как наши студенты на 50–60% уже работают, то они уверенно смотрят на перспективы своего трудоустройства.

— Михаил Алексеевич, еще не могу не спросить про второе образование. Очень многие, получив диплом, пытаются устроиться на работу, а если не получается — идут на второе высшее образование: вдруг я с этим дипломом устроюсь. Есть другой взгляд на эту проблему: надо сначала устроиться на какую-нибудь, допустим, невысокую должность, а затем получать второй диплом и делать карьеру. Вы сторонник какого подхода?

— Вы знаете, второе дипломирование в Иркутске первым ввел наш университет. В начале 90-х годов я был в Америке и обратил внимание, что у них многие студенты одновременно учатся в двух вузах, и, как правило, это не просто набор двух или трех дипломов, а одно образование дополняет другое. Так как я представляю сферу экономики, то у нас более сопряженный диплом — это диплом юриста. Если ты становишься руководителем, организатором, то тебе нужно знание законов, то есть юридическое образование. И я тогда, помню, в 1991 году, приехал и сразу с министром договорился о двойном дипломировании эконо-

номистов и юристов. Ну а потом в городе уже другие вузы по этому пути пошли. Я считаю, что просто иметь два диплома (можно и три, и четыре) толку нет. Надо дополнять одно образование другим. Поэтому сейчас что получилось? Люди разочаровываются в одном образовании и идут на второе — совершенно новое. К нам с техническими дипломами на ускоренное обучение, наверное, половина людей приходит из-за того, что не может найти работу по техническим специальностям.

— Но ведь все время говорят, что технических специалистов не хватает, что рынку нужны эти люди?

— Это расхожее мнение, которое идет сверху, потому что наше государство исходит из благого пожелания, но на практике нет предприятий, которым бы в массовом масштабе требовались инженерные кадры. Рабочих мест для них нет, и они вынуждены идти к нам, потому что большинству маленьких предприятий нужны и экономисты, и юристы, а этим, самым востребованным, специальностям учат у нас.

— Значит, разговоры о том, что экономисты и юристы не востребованы, слегка преувеличены?

— Да не то что слегка, они вообще преувеличены. Те, кто не трудоустраивается, имея диплом экономиста или юриста, полу-

чили плохое образование. У нас же столько, откровенно говоря, халтурных вузов, которые дают слабую экономическую и юридическую подготовку и дискредитируют высшее образование вообще.

— Хотела чуть позже об этом поговорить, но раз вы уже затронули тему неэффективных вузов, то все-таки насколько объективным вы, как председатель совета ректоров, считаете мониторинг вузов, проведенный Минобрнауки и выявивший немалое количество неэффективных вузов?

— Мы сейчас более углубленно проанализировали показатели этого мониторинга, их было всего 45, а выбрали 5. В принципе выбери другие 5, мы их так же будем критиковать, то есть вы поняли...

— Понятно: когда есть выбор, можно всегда сравнивать и критиковать.

— Сейчас там очень сильный показатель по учебным площадям. Это обязательный показатель, но выпал такой показатель, как кадры, он тоже должен быть обязательным, наверное, в следующий раз его введут. Но и эти 5 показателей, которые выбрало министерство, в сумме отражают силу или слабость университета. Если ты не прошел по этим показателям, значит, недостаточно занимался своим вузом.

— Нужно было к этому заранее готовиться, а не «плакаться» постфактум. Вы-то прошли по этим показателям, поздравляю вас!

— Спасибо. Хочу несколько слов сказать о частных вузах. О них долго молчали, как будто их и не было, а их примерно 500—600. Когда проверили (из тех, кто пожелал), эффективными оказались 27. Тех, кто не пожелал участвовать в мониторинге, можно сразу отнести к неэффективным вузам. Зачем там учиться? И те, кто идет туда, потом говорят: мы не можем трудоустроиться. Так и не поступайте в такие вузы, которые не гарантируют вам нормальное будущее.

— Сейчас на самом деле частным вузам совсем трудно выживать, потому что при демографическом спаде у абитуриентов есть возможность поступить на бюджетные места в государственные вузы.

— Это хорошо, если в результате селекции останутся те 27 частных вузов, которые соответствуют нормативам Минобрнауки, применяемым к государственным вузам.

— Но, после того как был опубликован список государственных вузов, которые признали неэффективными, начались разговоры о том, что их будут присоединять к более сильным и эффективным. Как вы такую перспективу оцениваете?

— Я против механического объединения вузов, потому что можно сколько угодно объединять вузы, но, если ничего не менять по существу, ничего и не изменится. Если уж объединять вузы, то надо идти по китайскому пути. Там выделяют деньги и строят хорошие университетские кампусы. При их земельном голоде вузы получают 200—250 гектаров и строят 50—60 новых корпусов. Там же и общежития, и квартиры для преподавателей. Вот это — правильное решение по укрупнению университетов. А так, как мы делаем: собрали на разных концах города вузы, объединили их и посадили одного ректора, — это не решение проблемы. Я был недавно в одном из субъектов Российской Федерации, где создали федеральный университет из нескольких вузов, так вот он — на грани развала.

— Интересно, что наше государство в части экономики все время уповает на малый и средний бизнес. Говорят, что малый и средний бизнес вносит весомый вклад в экономику, создает рабочие места и т.д. А в то же время в сфере высшего образования стремимся к какой-то гигантомании.

— Вы совершенно правы, нигде не надо увлекаться гигантоманией. Сейчас в промышленности созданы госкорпорации, которые неэффективны, потому

что слишком огромны. Для прорыва в науке нужно несколько крупных университетов, но не нужно все университеты делать крупными. Вот у нас в Иркутске лингвистический университет небольшой, но это узкоспециализированный, можно сказать, эксклюзивный вуз, который хотят утопить в большом университете. Я думаю, это делу не поможет. Так же и ваша журналистика: не думаю, что в огромном университете она будет развиваться лучше, чем в небольшом.

— **Я тоже так считаю.**

— Так же как артиста лучше готовить в небольшом театральном вузе. А журналист — это тоже творческая профессия, здесь тоже нужны мастерские, мастер-классы, по-современному.

— **Вы затронули актуальную тему подготовки журналистов. Знаю, что в БГУЭП есть факультет журналистики. В этом году ему исполняется 15 лет. Каким вы видите его будущее?**

— Мы создавали этот факультет, когда страна на рыночные рельсы становилась. Ваш брат-журналист был тогда мало посвящен в дела экономики, я имею в виду — профессионально, чтобы валовой внутренний продукт отличать от регионального (*улыбается*). И я убедился, что мы правильно сделали. Пусть это не такая большая доля журналистов с эконо-

мическим образованием, но она квалифицированно дает экономические и финансовые обзоры, умеет грамотно задавать вопросы. Мы будем и дальше пестовать наш факультет журналистики, мы хотим совершенствовать его через создание индивидуальных мастерских ведущих журналистов нашего города и совсем не хотим делать большим. 10–15 человек на курсе — это нормально.

— **То есть вы видите его будущее в чем-то похожим на подготовку артистов?**

— Да, как в творческих мастерских готовят артистов — школа такого-то актера, школа такого-то режиссера, так и мы хотим организовать учебный процесс на факультете журналистики.

— **Вы думаете, это возможно?**

— Возможно, хотя понимаем, что это дорого. 3–5 учеников у профессора — именно так надо. Ведь журналисты воздействуют на общественное мнение сильнее, чем артисты. Даже больше — формируют общественное мнение. Вот вы, в частности, — главный редактор информационного вещания...

— **Скажите, то, как журналисты формируют сегодня общественное мнение, вас как зрителя, как читателя устраивает?**

— Нет, не устраивает. Мне кажется, что у нас журналисты или чрезмерно скованы какими-то

невидимыми цепями, или, наоборот, слишком развязные. Собственного стержня нет.

— **Я хочу вас спросить вот о чем. В журналистике есть тоже компании — государственные и частные, и очень часто общество присылает запрос быть социально ориентированными. Частные СМИ говорят: позвольте, это же функция государства: информировать о том, что надо сдавать кровь, быть толерантными, помогать в розыске преступников. Функция ведь государства, а я — частная компания и, как частная компания, выполнять функции государства не буду, для этого есть государственные СМИ. Вы как к такой позиции относитесь?**

— Я не разделяю эту точку зрения. Все-таки частная или государственная телекомпания, она создана для того, чтобы ее смотрели — так же ведь? — чтобы как можно больше было посетителей того-другого канала и т.д. А для этого надо и то и другое совмещать: и социальность, как вы сказали, и доходность. Ибо кто смотрит ваши передачи? Гражданин. Гражданин есть гражданин, он же не будет отдельно — у вас вот это смотреть, а отдельно — вот это. И частным компаниям надо брать какие-то социальные вопросы, но и государственным более свободно вести себя. То есть надо быть вольнее в одном

случае и социальнее в другом случае. Я не предполагал, что для вас это такой важный вопрос.

— **А сами зрители, на ваш взгляд, они способны сегодня воспринимать серьезное телевидение без «желтизны»? Потому что, когда смотришь рейтинги — не будем называть конкретные программы, — в приличном обществе говорят: нет, нет, что вы, мы не смотрим эти передачи, а, судя по рейтингам, выходит, что вы, товарищи, смотрите.**

— Желтенькие страницы... Мне кажется, что выделяются эти желтенькие страницы потому, что выбирать-то не из чего. Вот я как зритель, среднестатистический в городе: у нас 8 каналов, условно, но по всем идут или сплошные детективы, или убийственный (по-другому не скажешь!) юмор, или одна реклама, поэтому и желтые страницы смотрят из-за отсутствия выбора.

— **На самом деле выбор есть всегда, другое дело, какой выбор. Вот ведь по части вузов это тоже выбор, где учиться — в родном городе или уехать в Москву, потому что сегодня мы все-таки сталкиваемся с тем, что ЕГЭ перед всеми открыл равные возможности, нет теперь таких барьеров, как раньше. Отправил документы и узнал, поступил ты или не поступил. Вы бы какие аргументы привели сегодня, чтобы ребенок, закончив-**

ший школу с хорошими оценками, остался в Иркутске?

— Главный показатель, почему и родители стремятся отправить своих детей, и дети настроены ехать в Москву и Санкт-Петербург, конечно же, жизненный уровень. То же самое было и в советское время.

— Просто в советское время были искусственные барьеры.

— Да, был лимит, лимитчиками называли тех, кто приезжал на жительство с периферии. И все хотели попасть в столицу, потому что там лучше было жить.

— Но вы, как ректор, не заинтересованы в том, чтобы хорошие студенты, хорошие выпускники уезжали?

— Да, не заинтересован. И главный рычаг, который позволял бы людям оставаться, — это создание рабочих мест. У нас есть русско-французский факультет, ребята проходят практику на наших предприятиях и на французских. Во Франции получают зарплату в евро, сравнивают: у нас получают в 10 раз меньше. И когда на Москву смотрят, тоже сравнивают, где зарплата выше. Сейчас эта ситуация стала меняться в пользу регионов: средняя зарплата по регионам начала расти быстрее, чем в Москве. Это немного радует. Как председатель совета ректоров вузов Иркутской области, я, конечно же, хочу, что-

бы ребята оставались жить и работать в нашем регионе.

— А как ректор экономического вуза что предлагаете, чтобы ваши выпускники не уезжали?

— У нас создана биржа труда. Может, кому-то это слово покажется суровым, но это нормальная биржа, где наша задача состоит в том, чтобы свести, с одной стороны, студента, предлагающего свои услуги в качестве будущего специалиста, а с другой стороны, работодателя, ищущего такого специалиста. Мы студентам советуем: напишите 20–30 резюме, мы их доведем до предприятий, чтобы одно, другое предприятие дали свое согласие, а выпускник уже мог выбирать, где условия труда лучше, зарплата выше, социальный пакет имеется и т.д. Если мы, как вуз, больше будем решать таких задач, предприятия получают доморощенных специалистов. У нас целый факультет управления человеческими ресурсами занимается этими вопросами.

— Михаил Алексеевич, вы уже говорили о том, что ваши студенты пытаются попробовать счастья за границей. Они готовы конкурировать там?

— Готовы. Опять же возьмем русско-французский факультет. Этот факультет мы открыли совместно с университетом София-Антиполис в Ницце. Так вот, на-

ша студентка, которая доучивалась в Ницце, два года занимала там первое рейтинговое место по уровню подготовки. Наши ребята нисколько не хуже. Кстати, девушка, о которой я только что сказал, приехала домой, посмотрела, какие рабочие места ей предлагают, и уехала в Париж, где прекрасно устроилась.

— Мы сегодня сталкиваемся или по крайней мере скоро столкнемся с проблемой, что те, кто из-за границы приезжает и получает у нас образование, будут конкурировать с нашими специалистами на российском рынке труда. То есть те же китайские студенты — у вас же они учатся, — получив образование, выучив русский язык, потом скажут нашим предпринимателям: а зачем вам русские работники со знанием китайского, если есть китайские специалисты со знанием русского?

— Очень хорошая постановка вопроса. Это то же самое, как с нашими специалистами во Франции... То же самое с китайскими, которые у нас учатся. Они через 5 лет свободно овладеют русским языком. И многие из них, конечно, захотят остаться здесь и работать в наших фирмах. Ведь китайцы, которые закончили или закончат наш университет, — это очень квалифицированные люди, из хороших семей, это не бархольщики. Кстати, в США 40%

студентов — иностранцы, причем многих из них американцы приглашают на работу по собственной инициативе. Америка весь мир эксплуатирует за счет того, что отбирает самых умных, самых талантливых, самых квалифицированных специалистов. А почему бы и нам, в России, это не делать? А конкуренция на рынке труда — куда от нее денешься.

— На самом деле и в журналистике такая проблема есть, и мы с ней, в частности, сталкиваемся. Уже сегодня, если нужен журналист, для того чтобы работать за рубежом или хотя бы съездить в заграничную командировку, незнание языка — барьер. Опыта нет — опять барьер. Поэтому, чтобы наш специалист выдерживал конкуренцию даже у себя на родине, у него должна быть хоть какая-то международная подготовка, хоть какой-то международный кругозор.

— Вы назвали необходимые условия этого. Знание языков — обязательно. Современная фирма — уже язык надо: китайский, корейский, японский, но в первую очередь английский. Это раз. Владение современной компьютерной техникой — это два. И широта кругозора, гуманитарная составляющая — это три.

— Выбирая профессию своим чадам, многие родители задумываются: ориентировать ребенка в

дальнейшем на работу с Западом или с Востоком. Что посоветуете?

— Я был недавно в Белоруссии, она рядом с Польшей, и меня поразили очень тесные связи Белоруссии с Польшей. Для нас Польша актуальна?

— Нет.

— Так же и для них, условно, Китай. Но мы-то рядом с Китаем. Поэтому я считаю, что, где живешь, там и нужно ориентироваться на то, что важнее — Запад или Восток. Для нас это прежде всего восточные страны: Монголия, Китай, Корея, Япония.

— Была недавно в Чите. Вы знаете, там очень много людей, ориентированных на то, чтобы дать своим детям образование «с китайским уклоном» не здесь, а в самом Китае. Там уже тенденция, чтобы дети учились непосредственно в Китае. Вы сторонник какого подхода?

— Я думаю, что и так надо, и так: и учиться в Китае, и изучать отсюда Китай. Так же, как и они.

— Когда китайские студенты приезжают к вам на учебу, они какие специальности выбирают?

— Очень многие — рекламу, дизайн. В свое время мы открыли бакалавриат по дизайну и с трудом набирали студентов на это направление, а китайцы приехали и заняли все места. У них стадия развития другая, конкурент-

ная среда очень жесткая. У нас конкуренции нет, мы только говорим о ней, а у них реальная потребность в рекламе и в дизайне обусловлена конкуренцией.

— Интересно, когда они заканчивают ваш вуз, потом остаются еще для продолжения учебы?

— В Китае универсальная схема высшего образования, которая существует во всем мире: «бакалавр — магистр». И конечно, когда мы переговоры ведем с ними, они с удовольствием идут на двухступенчатую систему обучения. Есть китайцы, которые поступают в нашу аспирантуру.

— Раз мы затронули тему «бакалавр — магистр», хочу спросить, куда все-таки пойдут работать бакалавры и магистры?

— Вы затронули один из самых больших вопросов. Ведь до сих пор не внесены изменения в квалификационные справочники, нет оценки рабочих мест. Вот вы — журналист, у вас в дипломе записано — «специалист», а чем бакалавр в журналистике будет заниматься? То есть у нас государство отстает от той системы подготовки кадров, на которую мы перешли. По существу, надо делать новую квалификационную роспись, потому что новая система образования, новые направления и профили подготовки... Надо четко определить, какие рабочие места и должно-

сти требуют квалификации «бакалавр», а какие — «магистр».

— Многие мои знакомые, у которых уже есть высшее образование, идут в магистратуру в разные вузы.

— Правильно делают. Магистр — это вообще академическая степень. Иметь ее очень престижно. По крайней мере в будущем будет так.

— Один из парадоксов нашего общества в том, что вузовские педагоги, преподаватели растят, можно сказать, будущих олигархов, а у самих зарплата не очень высокая.

— К сожалению, это так. У нас на самом деле низкие заработные платы у преподавателей. И когда говорят: привлекайте профессуру из западных университетов, хочется спросить: а кто к нам поедет, если наша заработная плата в 10 раз меньше? Если мы западного профессора привлечем и будем платить ему, как на Западе, он просто разорит нас с точки зрения фонда зарплаты.

— Но БГУЭП все же считается социально ориентированным вузом. За счет чего удается поддерживать этот статус?

— Байкальский университет по уровню заработной платы занимает одну из первых позиций и не намного отличается от МГУ. Но это все равно мало. Это много по сравнению с другими россий-

скими вузами, но мало по сравнению с европейскими университетами. Конечно, мы включаем разные механизмы для зарабатывания в «общий котел» университета. У нас доля бюджетной заработной платы составляет примерно 35%, все остальное зарабатываем сами.

— Студентов привлекаете из Китая...

— Да, совершенно верно. Китайцы в 2 раза больше платят, чем наши студенты. Но зарабатываем не только на обучении студентов, очень эффективно работает институт повышения квалификации и переподготовки кадров.

— О БГУЭП ходят две легенды. Первая — о том, что вы строите жилье...

— Да. Но это не легенда, а наша многолетняя деятельность. Мне иногда говорят, что я из себя делаю какого-то хозяйственника, что это не дело ректора, пусть каждый на жилищном рынке решает свою проблему. Но у нас сломали старую систему получения жилья, а новую не создали. Ипотечное кредитование — драконовское, молодой преподаватель никогда не получит новую квартиру по ипотеке, а нам-то нужны стабильные молодые кадры. Поэтому мы стали строить дома. Построили уже пять домов и по существу сняли напряжение с жильем. Соби-

раемся построить еще один дом на 100 квартир. Наши квартиры намного дешевле, чем на рынке. На это влияют разные факторы: земля наша, сами составляем смету, деремся за каждый рубль, когда работаем с подрядчиками, и т.д.

— ...и разрушаете стереотип, что жилье в Иркутске возможно только по высоким ценам.

— Мы первый дом построили вообще по семь тысяч рублей за квадратный метр, это по тем временам было.

— Вторая легенда тоже связана с хозяйственным вопросом. С тротуарной плиткой. Везде говорят, что плитка кладется на один сезон, а к весне разрушается, а вот возле БГУЭП ничего подобного не происходит уже много лет.

— Можете считать это легендой, но мне проректор по хозяйственной работе принес в кабинет образцы плитки. Я попросил его взять лом и разбить их на моих глазах...

— Выбрали самую крепкую (смеется)?

— Да. Но плитка — это внешняя сторона. Я приглашаю вас зайти внутрь университета.

— Была, была! У вас в коридорах и аудиториях висят картины, которым может позавидовать художественный музей.

— Около 500 работ иркутских живописцев и графиков. В последнее время приобрели коллекцию картин художников из Владимира. Мы ведь даем не просто образование молодым людям, мы их еще и воспитываем. Наши студенты привыкают к хорошему, изящному. Они и за пределами университета будут вести себя соответственно.

— Завидую вашим студентам. Сегодня Татьянин день, День российского студенчества, в который даже суровые преподаватели становятся добрыми. Что пожелаете студентам?

— Хочу сказать самые простые слова: добра, благополучия, счастья!

— Ну что ж, Михаил Алексеевич, этого же мы желаем и вам. Пусть ваша деятельность на ниве российского образования будет и далее успешной. Спасибо за эфир.

«Вопросы теории и практики журналистики»,
№3, 2013 г.

РЕФОРМИРУЯ, НЕ НАВРЕДИ

ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Образование – интеллектуальная основа общества

На последнем заседании Совета по образованию при губернаторе Иркутской области под руководством первого заместителя председателя правительства Иркутской области Николая Слободчикова обсуждались вопросы повышения эффективности профессионального образования в соответствии с перспективными задачами развития региона.

В Иркутской области необходимо комплексно скорректировать структуру высшего образования, сконцентрировав развитие университетской системы вокруг крупных вузов, говорилось на совещании. Его участники выступили с интересными сообщениями и предложили свое видение решения накопившихся проблем.

Председатель совета ректоров вузов Иркутской области предложил создать в регионе три основных университетских комплекса на базе трех вузов – НИ ИрГТУ, ИГУ и БГУЭП. В своем выступлении он затронул самые животрепещущие темы: недостаток финансирования сферы образования, уровень ее профессионализма, необходимость развивать экспорт образовательных услуг и систему трудоустройства выпускников.

Мы предлагаем читателям более подробную точку зрения Михаила Винокурова по актуальным проблемам сферы образования. Не будет преувеличением сказать, что они касаются практически каждого из нас.

— НЕ ВСЯКАЯ реформа во благо — этому учит нас жизненный опыт. Систему образования лихорадят всяческие перетряски и нововведения. Печальный опыт подсказывает, что принцип

«не навреди» исповедуется далеко не всегда. Чем грозят происходящие реформы образованию и нам всем?

— Образование является интеллектуальной основой общества, поэтому реформу образо-

вания нужно проводить очень аккуратно. Насколько совершенна система образования, настолько поднимается уровень качества населения — по развитию культуры, грамотности, кругозора и научной подготовки. Если мы затеваем какую-либо реформу в образовании, то нельзя, чтобы при этом образованность и культура человека пострадали. Поэтому приветствуются любые мероприятия, направленные на улучшение этих качеств при одновременном соблюдении максимальной осторожности.

Да, реформы назрели, они необходимы, потому что времена меняются, прогресс ускоряется, интенсивность и формы обучения становятся другими. Настораживает, что при этом прослеживается явная тенденция в обществе — «рациональное» стремление сократить затраты на образование.

Я считаю это самой отрицательной приметой времени. Развитое общество сегодня, в XXI веке, обязано вкладывать в интеллектуальное совершенствование населения не менее 7% ВВП. Такой объем затрат позволяет держать приемлемый уровень развития общего среднего образования, в массе своей бесплатного, что очень важно. При этом большинство людей при желании имеют возможность получить высшее образование.

В первую очередь достаточный объем финансирования означает, что все поколения детей до семилетнего возраста получают качественное и стопроцентное обслуживание детскими учреждениями. Именно в этот период детства закладывается фундамент личности человека.

К сожалению, в нашей стране в образование вкладывается всего 4% ВВП, хотя когда-то эта цифра тоже приближалась к 7%. В царской России было 3%. У нас любят критиковать то время за неграмотность народа, а далеко ли сегодня ушли от того уровня? Китай например, тратит 5,5% на образование, благодаря чему страна стремительно движется вперед.

Стремление удешевить образование под разными предлогами — самая отрицательная и опасная тенденция. Преступно экономим на оплате труда — по тарифу зарплата учителя начальных классов балансирует на отметке 6 тысяч рублей. Учительница, конечно, может добрать до 15–20 тысяч за счет дополнительных нагрузок, но это будет в ущерб качеству преподавания и здоровью.

Мы совершаем ошибку, сокращая неперспективные малокомплектные школы, хотя самое качественное образование дети получают именно в них. Я вырос в деревне Знаменка Жигаловского района, на севере области. Шко-

ла была маленькая, пятнадцать учеников всего, и наша учительница знала каждого в лицо и по имени, кто чем дышит, у кого какие проблемы и возможности. Спрашивала у доски каждого ежедневно, никому лениться не давала. Если какой-то пробел возникал, непонимание темы — все занозы ликвидировались сразу. Это была, что называется, «ручная работа».

А сегодня в классе сидят по сорок человек, от силы раз в месяц к доске вызовут, можно расслабиться и не надрываться. Нет самого главного — индивидуальной работы с каждым учеником. И вот те самые малокомплектные школы сейчас в первую очередь под нож попадают. Да и в городе становится все меньше специализированных школ — математических, художественных, музыкальных.

Люди, которые сегодня управляют страной, относятся к образованию эгоистично, не видят смысла в «бесполезных» тратах. Они не задумываются о том, что будет через двадцать лет. Но ведь дерево, которое ты сегодня посадишь, конечно, тень даст не сразу. Зато через два десятка лет можно будет под ним отдыхать и получать его плоды.

Разруха, которую сегодня сеют в образовании, через двадцать лет отзовется дефицитом грамотных

и интеллигентных людей, нехваткой художников, писателей и музыкантов. Куда будет двигаться страна в отсутствие ученых и новых поколений учителей?

Сегодня государство уже не гарантирует всеобщее бесплатное среднее образование. Дотянет ребенок до 8–9-го класса, а там — как хочешь. А ведь таланту, способностям, склонностям надо создавать условия, и это задача государства. Но все в первую очередь упирается в деньги: за все надо платить, но не у всех же есть достаточно средств. Если страна платит за образование своих детей — значит, она инвестирует в свое будущее.

В России было всеобщее обязательное образование и в более трудные для страны времена. Сегодня у нашего соседа, Южной Кореи, обязательны 11 классов, посмотрите, как она мощно поднимается. Та же Польша от нас так оторвалась, только позавидовать можно.

— Психология отношения к образованию как к задаче второго-третьего эшелона бытует не только в верхах, на уровне региона тоже. Что сделано депутатами ЗС для того, чтобы ему была отведена достойная сумма в бюджете? На федеральном уровне дела обстоят еще хуже.

— Я считаю, государству надо удвоить финансовые усилия,

направленные на развитие образования, несмотря ни на что. Вспомните СССР — после войны денег было в обрез, а образование было всеобщим и обязательным. Мы буквально нищую страну подняли из руин и сделали образованной в массовом порядке. Недаром американцы два раза проводили закрытые слушания по вопросу «русского чуда»: наша тогдашняя система образования была очень эффективной.

— Почему образование сажают на голодный паек? Деньги в казне есть, нефть пока еще не закончилась. На другие же сферы находят средства — тех же силовиков. Например, сегодня полицейских в России на тысячу человек населения в два раза больше, чем в любой другой стране. А ведь это опасный дисбаланс, когда репрессивный аппарат наращивается одновременно с деградацией образования.

— Не думаю, что это делается специально. Скорее мы имеем проявление чиновничьего жлобства в гипертрофированном виде. Они (чиновники) настолько нацелены на свои сиюминутные дела, что им некогда мыслить глобально и действовать по-государственному. Образование занимает последнюю очередь в их заботах.

Думаете, почему в депутаты стремятся коммерсанты? Для того, чтобы делать карьеру или

свой бизнес продвигать. Бюджет собран из наших с вами налогов и предназначен для финансирования главных государственных сфер — это здравоохранение, образование, армия и безопасность. Сегодня он на 40% растаскивается по различным программам поддержки интересов частного бизнеса. Коммерсанты пробились в депутаты и финансируют сами себя. Уберите эти траты из бюджета, и деньги сразу появятся, хватит и на здравоохранение с образованием, и на культуру с наукой еще останется. Это я как специалист-экономист говорю. Надо сбалансировать затраты, убрать лоббистов частного бизнеса из ГД и ЗС, очистив депутатский корпус. Увеличить расходы до 7% ВВП, и все у нас наладится. Если воровать не будут.

— Думаете, депутаты имеют право высказывать собственное мнение? Они давно превратились в машину для голосования...

— Действительно, эта проблема существует на всех уровнях власти, и прежде всего потому, что нет конкуренции в парламентах — от ГД до ЗС и городских дум. А она появится, только если несколько партий будут реально и равноправно существовать и действовать в законотворческом поле. А до тех пор не ждите эффективности управления в стране, регионе, области, пока есть

соблазн и возможность пользоваться административно-партийным ресурсом.

— Допустим, в правящей партии появились лоббисты от образования, они смогут влиять на процесс увеличения финансирования?

— Если в числе депутатов окажется несколько профессоров, они обязательно будут стараться развернуть парламентское мнение в пользу образования. Но продвинуть своих людей в ЗС нереально, потому что все упирается в деньги. Собственных нет, тратить бюджетные закон запрещает. Предприниматели, конечно, их находят. Но они потом только тем и заняты, чтобы отбить расходы и максимально использовать свое положение, чтобы получить преференции.

Даже имея такой массовый электорат, как студенчество, преподаватели, учителя, родители учеников, трудно получить искомым результат. Тем не менее, я думаю, что нам все-таки надо объединяться и продавливать свои интересы. Все-таки у нас отряд в 120 тысяч студентов, а это сила.

Осенью пройдут выборы, и кандидаты в депутаты должны услышать наш голос, если они хотят, чтобы за них голосовали. Наши предложения совершенно простые и всем понятные: материальная поддержка детских садов, школ, колледжей и вузов,

достойная оплата труда наших сотрудников.

— Много шума наделала недавняя попытка объявить часть вузов неэффективными, людям она показалась огульной и несправедливой. Кому это выгодно?

— Министерство приняло неразумное решение о сокращении части высшего государственного образования. Я помню, в 90-х годах наперебой говорили, что заводы невыгодны, плохо работают, выпускают неконкурентную продукцию, их надо закрывать. Сегодня старые заводы прикончили, новые не построили, сидим на одной нефти, и что дальше? Производство надо было реформировать, поставить во главе толковых людей, ориентировать на рыночную продукцию. Зачем было уничтожать совсем? Вместо заводов сегодня — сплошные торговые ярмарки.

В развитых экономиках доля торговли составляет 18–20%, как, например в США. Если больше — уже перекося. А у нас в Иркутске свыше 50% доходов бюджет получает от торговли. Ничего своего не производим, только из рук в руки перепродаем турецко-китайские товары, создавая иллюзию благополучия. При отсутствии собственного производства любая чрезвычайная ситуация эту половину доходов уронит до нуля.

Что касается слияния-поглощения вузов, возможно, оно кому-то и выгодно, но только не БГУЭП. Многие хотели бы заполучить БГУЭП в инвесторы, но мы не горим желанием. Если к локомотиву экспресса прицепить второй состав, он поедет в полтора-два раза медленнее, если вообще не остановится. Нам это надо? Не так много вузов, которые за эти годы смогли не только уцелеть, но и развиваться. Мы сохранили себя и поднялись, возможно, благодаря прагматизму и знанию законов экономики. Это надо ценить и беречь.

— Чем слабее государство и бездарнее руководство, тем сильнее коррупция. Власть утратила вузы в прокрустово ложе казначейства, чтобы бороться с коррупцией или, наоборот, получить пространство для финансовых маневров?

— В 90-е годы мы, как любой хозяйствующий субъект, имели право брать кредиты в банках, развиваться. Потом, в 1998 году, наш «блестящий министр» Кудрин под предлогом борьбы с коррупцией и недобросовестными банками загнал всех бюджетников в казначейство.

При этой системе мы превратились в финансовых рабов, потеряв даже элементарные свободы, такие как возможность кредитования, передачи собственности и т.д. Все деньги лежат на счете каз-

начейства, включая те, которые заработал сам университет.

Нас буквально связали по рукам и ногам. Допустим, на строительство нового учебного корпуса нужно 150–200 миллионов, такой суммы просто не может быть на текущем счете. Во всем мире любая структура берет кредит, инвестирует в производство, в развитие и отрабатывает этот кредит, рассчитываясь в течение определенного периода. Нормальная схема.

Но не для нас. Мы теперь живем по законам Кудрина. Сейчас, чтобы построить учебный корпус, вуз должен несколько лет на счете казначейства копить деньги. Кто этими деньгами пользуется, неизвестно. Процент за пользование мы не получаем. При этом годовая инфляция на уровне 15%, чем дольше мы копим, тем больше деньги обесцениваются.

Ну ладно. Накопили, построили и... оформили в федеральную собственность. Да, именно так — в итоге вуз теряет право распоряжаться, «собственноручно», извините за каламбур, заработанной собственностью — управлять, продавать и т.д. Все, что мы нарабатываем и зарабатываем, автоматически становится государственной собственностью, и мы утрачиваем над ней контроль. То есть у нас отбивается элементарный смысл инвестировать — про-

ще все тратить на текущее обслуживание и заработную плату.

Сегодня БГУЭП — успешная организация, но неизвестно, что с ней станет при такой политике, если сменятся ректор и его команда. Университет не имеет права контроля над финансами, и можно только догадываться, куда они могут быть направлены в зависимости от человеческого фактора.

Получается, что государство в лице казначейства присваивает себе деньги, заработанные трудом коллектива. Финансовая система обескровливается, деньги вычерпываются, и большой вопрос, когда и в каком объеме они вернутся.

Была бы возможность взять кредит, мы бы за год поставили корпус, завезли студентов-китайцев и рассчитались бы с долгами за четыре года. Все бы выиграли: и город, и мы.

— Любое производство теряет смысл, если нет сбыта продукции. Как и кому вы «сбываете» своих выпускников?

— Образование — это тоже производство. Высшее образование дает узкую специализацию в определенной области. Оно дорого стоит: студента несколько лет учит профессора, ему создаются специальные условия. Результат эффективен, если, выучившись, человек устроился по специальности — тогда он использует весь свой потенциал для самореализа-

ции. А если ты его пять лет учил, но он в итоге занят совсем другой деятельностью, то КПД минимален (да, общая культура есть, но нет профессионализма).

Поэтому трудоустройство — очень важный момент в завершающей фазе образования. Мы решили организовать студенческую биржу труда. Если все правильно пойдет, сделаем ее межвузовской. Суть в том, что мы собираем резюме студентов последних курсов, где и кем они хотели бы трудиться. Это резюме о том, какие склонности, предпочтения и пожелания у будущего выпускника. Резюме размещены на сайте, и их можно обновлять хоть каждую неделю.

С другой стороны, собираем со всех — областных, городских и муниципальных бирж, а также предприятий информацию о потребности в конкретных специалистах. Когда все вместе это сведем, то сможем совместить желания дипломников с потребностями работодателей. У нас эта биржа работает уже несколько лет и пользуется большим спросом. В прошлом году 400 выпускников БГУЭП трудоустроились благодаря нашей бирже.

Проблема в недостатке внешней информации. Частные кадровые агентства видят в нас конкурента и всячески саботируют наши попытки установить кон-

такт с работодателями. У государственных агентств такой информации просто недостаточно. Нашей же мощности пока не хватает на сбор данных от фирм и предприятий напрямую. Хотя это был бы самый идеальный вариант — малозатратный, объективный и оперативный. Ничего, со временем мы к этому придем, не станем ни от кого зависеть и будем 50–60% своих выпускников гарантированно устраивать через нашу биржу.

— **Вообще-то около 30% учатся для формального статуса и им трудоустройство не требуется. В вузы идут ради «корочек», круга общения, перспектив замужества. За все заплачено — танцуют все?**

— Элита вуза, очень качественные студенты, составляет 25%. Еще 45% — просто нормальные ребята. А оставшаяся часть, к сожалению, балласт. Правда, полезный — мы на них деньги зарабатываем. Они формируют нам фонд оплаты труда, за счет поступлений от них мы университет подняли. Кстати, в мировой практике то же самое. В американском вузе ты можешь учиться хоть 20 лет: плати — начинай новый курс сначала. И об этом все знают. Если бы государство финансировало образование в полной мере, мы бы завтра же от двоечников избавились, но приходится быть реалистами.

— **А если бы государство предложило перейти на полное обеспечение, вы согласились бы отказаться от зарабатывания денег вообще?**

— Тот, кто познал прелесть свободы, от нее уже не откажется. Когда мы заработали первые свои деньги, а их государство разрешило тратить самим, первым делом мы построили за городом оздоровительный комплекс для студентов и сотрудников. Дальше — больше. Мы стали в себя инвестировать, и сегодня получаем результат, заложенный тогда, годы назад. У «нархоза» было 7 корпусов, сегодня у БГУЭП — 69, причем построили и приобрели без единого федерального рубля. 30 лет назад в «нархозе» учились 2,5 тысячи студентов, сегодня — чуть менее 30 тысяч.

За 26 лет, что я здесь работаю, по уровню зарплат преподавателей наш вуз вышел на первое место в регионе. Социальные вопросы мы решаем кардинально: уже 4 жилых дома построили, сейчас пятый готовим к сдаче.

Создаем кооператив по простой советской схеме: организуем сотрудников, выделяем и оформляем землю, и квартиры в таком доме для них получают в два раза дешевле, чем рыночные. Квартиры людям не достаются бесплатно, но мы реально помогаем им.

— **Зачем БГУЭП столько учебных корпусов, где на них студентов наберется?**

— А мы китайцев пригласим. Для чего нужны иностранные студенты? Происходит полезный процесс обмен культурами, знаниями, образовательными технологиями и т.д. Это взаимное обогащение народов. В России иностранных студентов должно учиться примерно 10% от числа местных. В Европе планка выше — 12%. В США иностранцев — до 20%. Для нас 10% — вполне реальная цифра. Больше мы просто не осилим потому, что у нас нет общежитий.

Образовательные услуги очень выгодные. Средняя цена за обучение в мире — примерно 20–25 тысяч долларов. Хорошая цена, особенно если учесть еще плату за жилье, услуги, расходы на питание и остальные сопутствующие расходы. А это еще тысяч десять долларов. Плюс создание дополнительных рабочих мест. Недаром в структуре экспорта экономики США образовательные услуги находятся на третьем-четвертом месте.

Часто слышим панические речи, что китайцы все заполонили. Но с повышением уровня образования китайцев никакая экспансия не страшна. Если останутся в России — будут работать на нашу экономику.

Американцы охотятся за талантливими студентами, у них даже специальная програм-

ма есть, для того чтобы оставить в стране тех, кто интересен им. Ценный специалист за свои деньги выучился и представляет собой готовый продукт, при этом Америка ни цента не вложила в него. Это же огромная прибыль.

Плюс политика, лоббизм и много других полезных вещей. Недавно посчитали, что сорок президентов разных стран являются выпускниками американских вузов. Волей-неволей в какой-то степени они «завербованы» американским образом жизни, можно сказать мягче — ангажированы. Но это факт.

— **Мы что, зря сетуем на засилье гастарбайтеров?**

— Не путайте разные вещи. Качественный, образованный специалист на рынке труда — ценность. Мигранты — стихийное и достаточно вредное явление. Умных людей надо завозить любой национальности! Тем более у нас народу не так много на самом деле. Но, если не организовать процесс и не установить контроль над ним, к нам поедет кто попало. Лучше заманить и оставить тех, кто умен, образован и нужен, чем пропускать тот планктон, что плывет к нам сам, но для этого требуются визовый режим и качественный отбор.

В чем выгода цивилизованной эксплуатации труда квалифицированной иностранной рабочей

силы? Человек в расцвете сил и платит налоги там, где трудится. По существу, он содержит наших пенсионеров: приехал, поработал, уехал. А уплаченные им налоги пойдут на содержание тех же наших пенсионеров. Социальный налог — 30%, и он остается у нас в стране, иностранцы им пользоваться не будут.

Другое дело — гастарбайтеры, которые доставляют массу хлопот всем службам — от таможни до здравоохранения и полиции. Когда у нас гастарбайтеры работают нелегально, они не платят налоги, из-за чего проигрывают страна и все мы. Они просто с нашей территории деньги вывозят и все, и никакой прибыли государство не получает, она остается лишь у недобросовестных коммерсантов. А они как хищники эксплуатируют труд бесправных людей. Вот в чем стратегическая ошибка. Если по-умному все сделать, то иностранная рабочая сила нам выгодна, они наполняют рынок труда, формируют налоговую базу для коренного населения.

Надо контролировать процесс, проявить политическую волю, чтобы заставить соблюдать законы и платить все налоги, какие положены.

— **Какое количество китайских студентов мог бы принять Иркутск?**

— При нормальном развитии событий пять-семь тысяч иностранных студентов Иркутск легко смог обучать с пользой для себя. Всего-то требуется построить хорошие общежития, за которые не стыдно, и можно начинать ощутимо зарабатывать.

Мы могли бы завоевать рынок через демпинг, установив цену на уровне 3–5 тысяч долларов, в четыре раза меньше мировой. Сегодня наш студент платит за коммерческое обучение 2 тысячи долларов. Остаются 2–3 тысячи чистой прибыли, на эти деньги мы могли бы поддержать учебную базу университетов, социально-бытовую инфраструктуру, обеспечить достойное содержание профессуре. Чтобы вырастить генерала, нужно 20–22 года. На профессора требуется не меньше, он только учится лет пятнадцать. Официально. А вообще-то всю жизнь, если есть условия.

Сегодня у нас 300 китайских студентов, планируем увеличить число до 2 тысяч. Китайцам вообще удобно у нас учиться. И родителям спокойнее: сел на самолет и через два часа в Иркутске, проверяй своих чад. Ребенок, как правило, один в семье, они пекутся о нем очень трепетно: первокурсников прилетают проверить уже через два месяца. Мы даже специальные комнаты для

родителей устроили. Приехали на выходные, повидались, успокоились.

— **Понятно, что для международных отношений в образовании требуются определенные гарантии качества, их может дать статус государственного вуза. А три десятка частных вузов, расплодившихся в Иркутской области, — это не перебор? Соблазн легкой прибыли при минимуме ответственности способен дискредитировать любое начинание.**

— Идея частных вузов здравая, я не противник их. В Америке 5,5 тысячи вузов, и все частные, первый появился триста лет назад. Европа пошла другим путем. Там в основном государственные вузы — около 95%. Так исторически сложилось, и Старый Свет не стал менять традиции.

А мы шарахаемся из одной крайности в другую. Считаю ошибкой, что дали частным вузам право выдавать дипломы государственного образца. Они сегодня просто тупо торгуют «корочками» и не растут в качестве, им это не нужно. Чуть ли не в каждом городе по такому «вузу», где торгуют высшим образованием «за копейки». Причем нас государство контролирует с удовольствием и чересчур избыточно, а на них — ноль внимания. Поражает еще тот факт, что сейчас охотятся за государ-

ственными вузами. Дискредитируют их, закрывают и т.д. А частные как будто на другой планете. Им выдают лицензии, аккредитуют и т.д., хотя все знают, что большинство из них — это фальшивые вузы, но с правом выдачи государственных дипломов.

В Москве есть несколько хороших частных вузов, которые могут позволить себе нанять дорогую профессуру, но их спонсируют серьезными деньгами. В американских вузах 40% бюджетов составляют спонсорские средства.

Действительно, зачем Иркутской области 40 частных вузов? Все топчутся на одном поле, клонируя одних и тех же «специалистов» — юристов и экономистов. Потому что дешево и сердито в смысле затрат и прибыльно по части доходов. Но бесплатный сыр в итоге оборачивается потерями общества, получившего перепроизводство посредственных дипломников и нехватку качественных профессионалов. Хороших экономистов и юристов по-прежнему не хватает, а какие попало никому не нужны.

Сам однажды столкнулся с девочкой-оператором в «Альфа-банке», которая ничего не знала о сложных процентах по депозитной ставке. Спрашиваю, что заканчивала? Называет один из технических вузов, специальность — экономика. Не дело вуза

браться за непрофильные специальности. А если уж взялся — формируй состав преподавателей-профессионалов.

— **Чем можно поднять престиж высшего образования?**

— Надо лишить права выдавать дипломы государственного образца частным вузам. Это правило, кстати, действует во всем мире, в том числе и в Америке, на которую у нас любят ссылаться. Частный вуз — частная фирма. Завоевывай свое реноме на рынке образовательных услуг, а не продавай «дипломные корочки от государства». Хочешь дешево учиться — ну и получай макулатурный диплом без всякой репутации. Во-вторых, государственным вузам, обучающим на коммерческой основе, надо тоже жесткую планку устанавливать в отношении уровня затрат. Нельзя демпинговать. Если государство подсчитало, что в год нужно не меньше чем 70 тысяч рублей для нормального образования, то цену меньше не имеют права

устанавливать. Чтобы вуз не просто деньги из людей вытягивал, а качественно предоставил образовательную услугу на эту сумму. В-третьих, надо проверять содержание дисциплин в этих вузах и убрать всю шелуху.

— **Без чего вы бы не смогли обойтись в своей работе?**

— Главное для любого человека, занятого интеллектуальным трудом, — это свобода. С нее все начинается и ею заканчивается: успех, результаты, смысл жизни. Все. Вузовское сообщество изначально родилось как свободная организация, и университеты всегда были центрами демократии, свободомыслия. Но было бы ошибкой думать, что вузы — центры оппозиции. Они являются точкой притяжения умных людей, а такие вреда не нанесут. Свобода же им нужна как воздух, потому что творчество и полет мысли без свободы невозможны.

Елена ГУЩИНА,
«Есть Тема», №2 (6), март 2013 г.

ТЕ ЛИ ПОКАЗАТЕЛИ?

Как усовершенствовать мониторинг вузов

В Минобрнауки подведены итоги очередного мониторинга вузов России. Хотя эта инициатива вызвала неоднозначную реакцию у работников высшей школы, мы (я имею в виду и своих коллег из совета ректоров вузов Иркутской области) считаем ее своевременной, полезной, необходимой для определения перспектив российской высшей школы. Но все же — не идеальной. В предлагаемой статье мне хотелось бы высказать соображения о том, как эту систему можно было бы усовершенствовать.

КАК известно, мониторинг проводился в 2012 г. по пяти, а в 2013-м — по шести ключевым показателям деятельности вузов. Вуз считается успешным, если значение как минимум половины оцениваемых показателей выше пороговых. В 2013 г. нужно было достичь пороговых значений по трем из шести показателей. Чем большее количество пороговых значений показателей преодолел вуз, тем он эффективнее.

Вот такая в общем-то всем понятная и довольно несложная система оценки, вроде бы отражающая все аспекты деятельности вуза: учебный, научный, инфраструктурный. Однако, если внимательно проанализировать

критерии оценки эффективности вузов, возникает множество вопросов и по структуре показателей, и по их качеству, и по их пороговым значениям. Еще одна проблема — это неожиданное для вузов изменение показателей, используемых в ходе мониторинга. Так, по сравнению с 2012 г. в 2013-м изменился расчет двух показателей (средний балл ЕГЭ и показатель международной деятельности вуза) и был введен новый показатель, характеризующий трудоустройство выпускников.

Мы не знаем, кто разработал эти показатели и почему показатели не обсуждались широким вузовским сообществом. Ведь нам, представителям науки,

вполне по силам разработать неплохую методику мониторинга эффективности вузов, которая была бы объективна, всесторонне обоснована и отражала основную деятельность вузов.

Давайте проанализируем систему мониторинга вузов в 2013 году.

Первый блок из трех показателей характеризует результаты учебной работы в вузе.

1. Образовательная деятельность вуза. Для ее оценки берется средний балл ЕГЭ студентов-очников, поступивших как за счет бюджета, так и с оплатой стоимости затрат на обучение (пороговое значение показателя – 60 баллов).

2. Международная деятельность вуза. Здесь оценивается удельный вес иностранных учащихся в общей численности студентов вуза по приведенному контингенту (пороговое значение показателя – 1%).

3. Трудоустройство. В данном случае определяется доля обучавшихся по очной форме выпускников вуза, не обратившихся в течение года после выпуска в службу занятости населения (пороговое значение показателя – от 95,1 в Северо-Кавказском федеральном округе до 99,3 в Москве; оно было определено после сбора данных по федеральным округам).

Рассмотрим эффективность и целесообразность этих показателей.

Средний балл ЕГЭ, на мой взгляд, совершенно необъективный и не отражающий действительность показатель. Что значат эти 60 баллов в среднем по России? Надо учитывать, что в сельскохозяйственных вузах средний балл ЕГЭ в силу объективных причин будет один, а в юридических и экономических – совершенно другой, причем значительно выше. И зависит это не столько от качества работы вуза, сколько от престижности профессии. Мало кто сегодня с высоким баллом ЕГЭ пойдет учиться, например, на агронома или зоотехника, потому что в сельскохозяйственной отрасли у нас в настоящий момент нет ясных перспектив, не хватает рабочих мест, уровень зарплат крайне низок. Вот и выходит, что сельскохозяйственные вузы проигрывают другим по этому показателю, и не их здесь вина.

То же самое можно сказать о педагогических вузах. При низкой зарплате учителей кто из «высокобалльников» пойдет в педагоги? Только уж если абитуриент – патриот педагогического труда, в основном же педвузы выбирают по остаточному принципу: если не прошли со своим баллом в другие вузы.

Возьмем теперь инженерные специальности. Сколько сейчас звучит призывов из уст руково-

дителей всех рангов идти учиться на инженера! Технические вузы получают значительную материальную поддержку от государства (ведь инновационными по факту признаны в основном инженерные вузы). Тем не менее основной поток абитуриентов «заточен» на гуманитарные специальности. Дело в том, что в стране катастрофически сокращаются рабочие места для инженеров. Кроме крупных городов везде наблюдается стагнация производства, и поэтому выпускникам технических вузов сложно трудоустроиться.

Получается, учатся пять лет за счет государства, а потом за собственные средства переучиваются, так как нет работы. У нас, в экономическом вузе, основной поток студентов, получающих дополнительное экономическое образование, – несостоявшиеся инженеры.

Что касается экономистов и юристов, о перепроизводстве которых постоянно говорится, то именно в гуманитарных вузах отмечается наивысший балл ЕГЭ. Большинство выпускников таких вузов трудоустраиваются. Есть спрос – есть и предложение. Подчеркнем, что речь идет о выпускниках специализированных экономико-правовых вузов. А без работы могут остаться выпускники, получившие профессии эко-

номиста и юриста в многочисленных коммерческих вузах, а также в политехнических.

Необходимо учитывать и территориальный аспект. Есть, скажем, Магадан, Рязань, и есть Москва. Конечно, Москва заманчивее, ведь там уровень жизни в два-три раза выше, там после окончания вуза проще найти хорошую работу. Естественно, что сильные абитуриенты из регионов подают документы сначала в столичные вузы, а потом в местные. И дело тут совсем не в качестве предлагаемых вузом образовательных услуг, а в развитости территории. Если бы, к примеру, в вузах Западной Европы появились бюджетные места для наших абитуриентов, то многие из них, в том числе и абитуриенты-москвичи, уехали бы туда.

Есть еще один аргумент против использования данного показателя. Для поступления на разные направления подготовки и специальности нужен разный набор предметов в рамках ЕГЭ. А результаты ЕГЭ по различным предметам несравнимы: они высокие, например, по обществознанию, но низки по иностранному языку, информатике, физике. Такая ситуация ставит разнопрофильные вузы в принципиально неравнозначные условия.

Исходя из сказанного, считаем этот показатель поверхност-

ным и где-то даже вредным, ибо он искажает реальность.

Второй показатель — международная деятельность вуза. По нашему мнению, он действительно отражает потенциал вуза. Иностранный студент, да еще за свои деньги, в случайный или слабый вуз учиться не пойдет. В мировых рейтингах вузов этот показатель в числе основных. По негласному правилу в высокорейтинговом университете доля студентов-иностранцев должна составлять 10 и более процентов учащихся. У нас вуз эффективен, если число иностранных студентов составляет не менее 1% общей численности студентов (приведенного контингента), а в Москве и Санкт-Петербурге — не менее 3%.

Считаем целесообразным довести в перспективе пороговое значение данного показателя по регионам до 1,5–2%. Надо заставить вузы активнее работать с абитуриентами из других стран: рекламировать себя, свои образовательные программы, обосновывать выгодность обучения у себя и т.д. Все это реально. Америка, Европа давно так действуют, их университеты зарабатывают благодаря иностранным студентам даже больше, чем, к примеру, отдельные автозаводы.

В привлечении иностранных студентов должно прини-

мать участие и само Министерство образования и науки. Необходимо строить сеть комфортабельных общежитий, создавать в вузах подготовительные отделения по изучению русского языка, решить в правительстве вопрос упрощения выдачи виз иностранным студентам и многие другие вопросы. Обо всем этом следует подумать и нашему министерству, и руководству страны. Ведь это не только неплохой заработок для университетов, но и престиж государства. СССР когда-то имел в этой области очень хорошие позиции.

В целях оказания помощи русскоязычному населению из стран СНГ и Балтии при поступлении в российские вузы можно разработать программу, аналогичную программе переселения соотечественников. В рамках этой программы для детей соотечественников можно было бы выделить определенное число дополнительных бюджетных мест, распределяемых среди вузов на конкурсной основе. Это значительно облегчит им поступление в вуз, даст возможность получать стипендию и жить в общежитии. Дополнительные средства для этих целей мог бы выделить фонд помощи переселенцам.

Третий показатель — трудоустройство выпускников. Мы считаем его не отражающим эф-

фективность вуза, а методы его расчета — необоснованными. Да, на Западе при определении рейтинга вуза учитывается показатель трудоустройства выпускников и их успешности на рынке труда, но делается это иначе, чем предложило наше министерство.

Я по образованию экономист и занимаюсь вопросами организации труда, трудоустройства, поэтому очень хорошо знаю ситуацию. Классическая схема трудоустройства, которую мы предлагаем нашим студентам, — это поиск конкретного рабочего места путем рассылки своего резюме. Мы учим студентов: вы должны предлагать себя как можно большему количеству работодателей. Можно отправить свое резюме по 30, 50, 70 адресам. Это может быть и служба занятости, и кадровые агентства (биржи труда), и непосредственно кадровые службы предприятий и организаций. Предлагайте себя, прикладывайте письма-рекомендации (от профессоров, деканов), если они у вас есть. К моменту окончания университета у вас может быть от двух до восьми предложений. Вот и выбирайте среди них. Это и есть рынок труда. Можно даже подождать интересующее вас рабочее место, поработав какой-то период на условиях временной занятости.

Считается, что вуз тем хуже, чем больше выпускников обрати-

лось на биржу. Это антирыночно. Можно было бы предложить использовать другой, более адекватный показатель — доля выпускников, официально не признанных безработными. Но и это не выход: показатель разового трудоустройства сильно зависит от уровня и динамики развития региона. Чем более развит регион, тем больше рабочих мест, тем выше уровень трудоустройства выпускников вузов. И вуз тут находится в зависимости от территории.

Кафедрой экономики труда и управления персоналом нашего университета был проанализирован этот показатель за 2012 г. на примере Сибирского федерального округа. Все точно подтвердилось. В наиболее развитых в экономическом отношении регионах (Омская и Новосибирская области, Красноярский край) все или большинство вузов демонстрируют высокие показатели трудоустройства. На Алтае, в Забайкалье — обратная ситуация.

Для того чтобы учебная деятельность вуза оценивалась объективно, мы предлагаем вместо показателей среднего балла ЕГЭ и трудоустройства использовать показатели квалификации профессорско-преподавательского состава (ППС) и книгообеспеченности библиотек.

Показатель квалификации кадров — это доля лиц, имею-

ших ученые звания и степени, в общей численности ППС. Его расчет следует производить исходя из штатной численности (без совместителей). В мире при определении рейтингов университетов этот показатель также является одним из ключевых. Пороговое значение показателя с учетом общемировой практики должно составлять не менее 60–65% остепененных кадров ППС. Этот показатель отражает наличие научных школ в вузах, условий для повышения квалификации кадров (магистратура, диссертационные советы и т. д.), а также политику университетов в области формирования, обучения и повышения научной квалификации кадров ППС. Этот показатель также отражает зрелость вуза, его способность проводить социальную политику, удовлетворяющую современным потребностям профессорско-преподавательского состава.

Книгообеспеченность библиотек отражает качество осуществляемого в вузе учебного процесса, его способность формировать у студентов умение добывать знания самостоятельно — при помощи библиотеки, а теперь и Интернета. Зарубежные университеты с высоким рейтингом имеют в своих библиотеках не менее миллиона книг и электронных изданий. У студента есть возможность по-

лучить любую книгу в библиотеке, а также заказать ее через Интернет и работать с ней.

Как бы ни развивалось человеческое общество, как бы ни менялся мир, библиотеки всегда будут оставаться основными носителями и хранителями знаний. Техническое состояние библиотек меняется, но их суть и содержание неизменны. У нас в последнее время часто звучит тезис, что Интернет все заменит и не надо тратить на библиотеки. Эта точка зрения глубоко ошибочна. Она зачастую конъюнктурна, ибо ее озвучивают, как правило, лица из маленьких, в основном частных вузов, где вся библиотека умещается в нескольких комнатах. Как не научиться по-настоящему летать только на тренажерах, так и не получить настоящего образования без хорошей библиотеки.

Пороговое значение данного показателя также можно рассчитать, не изобретая велосипед, а взяв за основу мировые стандарты: 1 млн книг на 10 тыс. студентов очного обучения или на 10 тыс. студентов приведенного контингента.

Введение предложенных нами показателей оценки учебной деятельности вузов позволит сделать более реальной общую картину их эффективности, а также приблизить показатели оценки вузов России к общемировым. Важно,

что данные показатели включены в другие системы оценки вуза — лицензионные нормативы и аккредитационные показатели.

Второй блок показателей касается экономической деятельности вузов.

1. Финансово-экономическая деятельность вуза. Пороговое значение показателя — 1,1 млн рублей дохода из всех источников финансирования в расчете на одного научно-педагогического работника (НПР) в год.

2. Инфраструктура. Здесь имеется в виду собственная (учебно-научная) площадь в расчете на одного студента (приведенного контингента). Пороговое значение показателя — не менее 11 м². В советское время были такие нормативы: для гуманитарных и естественно-научных вузов — 10,5 м², для технических — 15,5 м² на одного студента.

На наш взгляд, оба этих показателя целесообразны, существуют и в целом отражают экономику вуза. Однако хотелось бы высказать некоторые предложения и на этот счет. Мы считаем, что показатель финансово-экономической деятельности надо дифференцировать по трем группам вузов (гуманитарные, естественно-научные и технические).

Разберем на практике, что значит доход в 1,1 млн руб. на одного НПР. Возьмем подушевое фи-

нансирование вузов из бюджета. В 2013 г. гуманитарные вузы финансировались из расчета примерно 63 тыс. руб. на студента в год, естественно-научные — из расчета около 67 тыс. руб. в год, инженерные — примерно 112 тыс. руб. в год. Возьмем среднее нормативное соотношение преподаватель/студент в России: в 2013 г. оно составило: один преподаватель на десять студентов (норматив по инженерным направлениям — 8). Тогда бюджетное финансирование в расчете на одного преподавателя фактически составит в 2013 году:

гуманитарное направление: 63 тыс. р. • 10 чел. = 630 тыс. р./чел.;
естественно-научное направление: 67 тыс. р. • 10 чел. = 670 тыс. р./чел.;

инженерное направление: 112 тыс. р. • 8 чел. = 896 тыс. р./чел.

Три группы вузов — три разных показателя бюджетного финансирования (0,63 млн р., 0,67 млн р., 0,9 млн р. в расчете на одного преподавателя). При мониторинге использовался усредненный (общий) для всех вузов показатель — 1,1 млн рублей. Получается, что гуманитарии и естественники в принципе неэффективны, а эффективны инженеры. Следовательно, инженерным вузам и классическим университетам не надо ничего делать, они эффективны благодаря государству, а гуманита-

рии — зарабатывайте еще столько же, сколько дает государство, тогда будете эффективны.

В мире все наоборот. Гуманитарии пишут книги, ведут раскопки, собирают фольклор за бюджетные деньги. Инженеры же (физики, химики и т.д.) умеют и, главное, должны разрабатывать новые технологии, продавать и внедрять их. Вот где главный заработок высшей школы. Так происходит в мире, но не у нас.

Мы считаем, для объективности оценки ситуации следует дифференцировать этот показатель по трем вышеперечисленным группам, взяв за основу нынешнее состояние гуманитарных вузов. В них бюджетное финансирование на преподавателя — 630 тыс. руб., пороговое значение — 1,1 млн рублей. Значит, оставшуюся сумму (вторую половину порогового значения) они должны зарабатывать сами. Но в таком случае и естественники тоже должны зарабатывать недостающие средства. Для них пороговое значение составит $670 \text{ тыс. р.} \cdot 2 = 1,340 \text{ млн р.}$, для инженеров — $896 \text{ тыс. р.} \cdot 2 = 1,792 \text{ млн рублей}$. Вот это объективная картина.

Таким образом, пороговое значение показателя по трем группам вузов составит 1,1 млн р., 1,34 млн р., 1,79 млн рублей. Такая дифференциация, во-первых, поставит разнопрофильные вузы

в равные условия зарабатывания денег (50% — бюджетные средства, 50% — внебюджетные), во-вторых, заставит инженерные вузы заниматься внедрением новых технологий, а не плодить у себя экономические и юридические специальности. Ведь на практике многие инженерные вузы, в том числе и ведущие, уже наполовину подрастеряли свою «инженерность» и с упоением переключились на подготовку юристов и экономистов. Эти вузы имеют большое бюджетное финансирование по инженерным специальностям, а коммерческие средства зарабатывают, набирая гуманитариев.

Что касается такого показателя, как инфраструктура, то мы также предлагаем несколько скорректировать его. Дело в том, что существующие нормативы по площадям разработаны еще в советское время. Они в принципе объективны и соответствуют мировой практике. Советский Союз, строя государственные вузы, ориентировался на эти нормативы. Но ситуация изменилась. Создание новых площадей для государственных вузов сейчас в разы меньше — у страны просто нет таких денег. Ну и не надо тогда делать крайними в этом вопросе государственные вузы, тем более мониторить их каждый год, ведь чтобы построить новые корпуса, нужны годы.

Кроме того, очень острым является вопрос о коммунальном обслуживании этих площадей. По сравнению с советским периодом эти затраты возросли колоссально. Вузам сейчас невыгодно иметь большие площади, поскольку само министерство не выделяет на коммунальное обслуживание средств столько, сколько нужно. Чем больше строим, тем больше загоняем себя в угол с точки зрения коммунальных расходов. А они растут в среднем на 15–18% в год.

В связи с этим мы считаем, что пороговое значение показателя общей площади в расчете на одного студента, которое существует сейчас, надо уменьшить процентов на сорок. Мы исходим из практики нашего университета. У нас гуманитарный вуз, пороговое значение — 11 м^2 на студента. У нас в головном вузе 8,2 тыс. студентов (приведенный контингент). С нашей точки зрения, 11 м^2 на одного студента — это односменная работа в вузе с пятью рабочими днями в неделю.

По факту в нашем университете студенты занимаются шесть дней в неделю и укладываются в полторы смены (с 09.00 до 17.00). Аудиторный фонд, компьютерные залы, лаборатории работают весь рабочий день, а не в одну смену. Кроме этого мы имеем резервный аудиторный фонд, кинотеатр, библиотечные залы,

16 кафе в корпусах. Весь учебный комплекс соединен переходами. Для всего этого нам хватает 7 м^2 на одного студента. Тем самым мы резко снижаем затраты на эксплуатацию и строительство.

Кстати, за 20 «перестроечных» лет мы построили, купили и реконструировали более 60 корпусов, не затратив на это ни копейки бюджетного финансирования. Все строительство и модернизация производились за счет собственных средств. Не надо было никому доказывать, что построить, как построить и, главное — где взять деньги, — мы все решаем сами. К сожалению, сейчас государство стало нас, государственные вузы, обкладывать налогами, как коммерческие структуры, лишило права использовать банковский кредит и одновременно призывает к соревновательности с зарубежными вузами, в которых финансирование на одного студента в разы выше, которые имеют льготы по налогообложению и реальную финансовую самостоятельность.

В России до сих пор нет понятия вузовской собственности. Очевидно, если корпуса и оборудование приобретены или построены на внебюджетные средства, то это является одним из показателей эффективной деятельности вуза. Но тогда и все, что заработано самим коллективом, целесообразно

передать в собственность вуза.

Сейчас всем этим напрямую распоряжается государство, и не исключен вариант, что придут никому неизвестные «эффективные» менеджеры и «съедят» все, что построено на деньги, заработанные коллективом уже в наше рыночное время. Вывод напрашивается сам собой: вкладывать внебюджетные (собственные) деньги в корпуса и оборудование вузам сегодня невыгодно. Выход вроде бы предложен — автономные учреждения, но и там назначается «эффективный» менеджер, практически без согласования с коллективом. Все хорошо помнят, что натворили с предприятиями такие назначенцы. Поэтому на практике мало кто из вузов пошел в автономное плавание.

Итак, мы предлагаем снизить пороговое значение показателя площади на одного студента (приведенного контингента) на 40% и установить его для гуманитарных и естественно-научных специальностей на уровне 6,5 м², для инженерных — 8,1 м².

Блок экономической деятельности считаем целесообразным дополнить еще одним показателем — фондовооруженности. Он отражает, сколько оборудования и технических средств в суммарном денежном выражении приходится на одного студента (приведенного контингента). Его также следует

дифференцировать по трем группам вузов — гуманитарные, естественно-научные и технические, ибо их техническая оснащенность заложена в их сущности. У нас нет статистических данных по российским вузам, и мы не готовы предложить пороговое значение данного показателя, но это легко могут сделать в аппарате Минобрнауки, где есть все соответствующие цифры для расчета.

Третий блок — показатели научно-исследовательской деятельности вуза.

Он представлен показателем объема НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника (с учетом совместителей). Пороговое значение — 50 тыс. руб. на человека.

Это очень важный и нужный показатель. Единственное: считаем целесообразным при оценке этой деятельности вуза учитывать труд по написанию монографических работ. Если результат научно-исследовательской деятельности в наукоемком секторе можно оценить, к примеру, количеством полученных патентов или определить экономический эффект от внедрения разработок, то в гуманитарном секторе это книги. Но книгу тоже надо написать, а это колоссальный труд, порой многолетний и, как правило, не приносящий материального вознаграждения. Но как сравнить труд по

созданию книги с трудом, например, инженерной кафедры, где проведенная работа была профинансирована, и еще была возможность издать монографию?

В связи со сказанным предлагаем разработать методику, при помощи которой можно будет оценить «в рублях» труд по написанию научных работ. И хотя это очень сложная и противоречивая проблема, решить ее реально, и наш университет может это сделать. Если такая методика будет создана, то показатель объема НИОКР станет универсальным, ну и конечно, более объективным.

В перспективе считаем целесообразным в число показателей, характеризующих научную деятельность вуза, ввести индекс цитирования. Этот показатель во всем мире определяет ценность научной школы. Российские вузы уже

стали учитывать этот показатель, и в ближайшее время его можно было бы внедрить. При этом следует учесть, что индекс цитирования в РИНЦ является универсальным для вузов любой специализации, в то время как Web of Science и SCOPUS отражают востребованность научной продукции главным образом в области естественных и технических наук.

Заканчивая статью, я хотел бы подчеркнуть, что выработка показателей оценки эффективности российских вузов чрезвычайно важна для научно-педагогического сообщества, а их совершенствование вызвало бы к жизни больше стимулов к поступательному развитию вузов.

**«Поиск», № 51 (1281),
20 декабря 2013 г.**

ВАК: ЧТО ДЕЛАТЬ?

Российскую научную общественность потрясли события, связанные с ситуацией вокруг Высшей аттестационной комиссии. Сначала прошла информация о том, что в одном из советов престижного московского вуза штамповались фальшивые доктора и кандидаты наук, а возглавлял совет – зам-председателя экспертного совета ВАК по истории Александр Данилов. Стало известно о задержании правоохранительными органами и самого председателя ВАК Феликса Шамхалова, подозреваемого в мошенничестве на сумму 350 млн. рублей. Как быть в этих случаях с самим ВАК, который призван контролировать качество защищаемой научной продукции и бороться с коррупцией в сфере аттестации научных кадров? За комментарием сложившейся ситуации корреспондент «АН» обратился к председателю совета ректоров вузов Иркутской области, ректору Байкальского государственного университета экономики и права профессору Михаилу Винокурову.

М.В.: Ситуация действительно скандальная. Серьезно подмочена репутация главного органа страны, контролирующего качество защищаемых диссертаций. Я давно ставил вопрос о том, что ВАК, сохранившийся как рудимент старой советской системы, изжил себя и что надо переходить на мировую систему присуждения ученых степеней. То, что происходит сейчас в ВАК России, лишний раз доказывает правоту моей точки зрения.

«АН»: Получается, что сейчас как раз наступил тот момент, когда ВАК с легкой душой можно закрыть?

М.В.: Здесь я не совсем с вами согласен. Нельзя в одночасье ломать сложившуюся систему, потому что за ней – живые люди. Это подтверждает опыт стран СНГ, ликвидировавших свои ВАКи. Нужен эволюционный подход, как минимум два года, чтобы и зарубежный опыт изучить, и нормативную базу подготовить, и

университеты с высшим репутационным капиталом отобрать. И только потом объявить о роспуске ВАК, при этом заменив его все равно каким-то органом, по типу Большого жури, как у журналистов, куда можно было бы подать апелляцию и т.п.

«АН»: А сейчас как быть – в свете нелицеприятных событий?

М.В.: Обновить ВАК! Сделать его более демократичным, исключить из его деятельности ничем не обоснованный волюнтаризм. Ведь не проходит трех-четырёх лет, чтобы ВАК по своему усмотрению не поменял «правила игры». Там, где нет правовой стабильности, царит беспредел, исчезает уверенность в объективной оценке диссертационных работ, формируется почва для коррупции. Полгода назад ВАК приостановил работу большинства диссертационных советов, в результате тысячи соискателей поставлены в условия неопределённости и нервозности. Считаю, что первым решением обновленного ВАКа должно стать восстановление деятельности необоснованно приостановленных советов.

Когда я говорю о демократичности в работе ВАК, я имею в виду три момента. **Первый.** В отношении диссертационных советов ВАК должен исходить из презумпции невиновности. Сегодняшний ВАК работает как ка-

рательный орган, а там, где чиновник от науки – каратель, там больше всего вероятность его подкупа.

Второй. ВАК должен отказаться от политики дискриминации региональных советов. Снова, как в старые времена, негласно проводится политика концентрации докторских советов в столичных городах. На каком основании? Что, в региональных советах коррупции больше, чем в столичных? Исходя из своей многолетней практики, заявляю, что диссертационные советы в регионах гораздо ответственнее и щепетильнее подходят к оценке диссертационных работ, чем известные мне столичные советы. Предлагаю восстановить справедливость – разрешить региональным советам начать работу. Почему добросовестные докторанты и аспиранты Сибири, Дальнего Востока и других регионов страны должны страдать?

Третий. Присуждение ученой степени кандидата наук должно полностью и окончательно стать прерогативой диссертационных советов, включая выдачу диплома кандидата наук. Это разгрузит ВАК и позволит ему сосредоточиться на экспертировании докторских работ и формировании новой концепции аттестации научно-педагогических кадров.

«АН»: И последний вопрос, Михаил Алексеевич. События вокруг ВАК и не только вокруг него, вообще проблема коррупции, вольно или невольно бросает тень на людей с кавказским акцентом.

М.В.: Понимаю, на что вы намекаете, но я бы разделил ваш вопрос на две составляющие: сама коррупция и Кавказ. По части коррупции есть расхожее мнение, будто коррупция процветает только на Кавказе. Ответственно заявляю, что 70–80% коррупционных потоков концентрируется в Москве, там, где сформированы центры абсолютной власти. И ВАК — хороший тому пример. Эта чудовищная концентрация власти и денег в московских кабинетах стимулирует развитие коррупционных процессов в регионах, в том числе и на Кавказе.

Что касается конкретных личностей, то я не стал бы делать акцент на «кавказской» национальности. Помню, в студенческие годы я учился по учебникам политической экономии Н.А. Цаголова, выдающегося профессора МГУ. И никому в голову не приходило подозревать его в чем-то, оттого что по национальности он был осетин-дигорец.

Проблема, которую вы между строк обозначаете в своем вопросе, конечно, есть. Развращенность верхушки кавказской управленческой элиты достигла таких размеров злокачественной опухоли, что требует операционного вмешательства. Но начинать надо с Москвы.

**«Аргументы недели», №5(347),
7–13 февраля 2013 г.**

РЕФОРМИРУЯ, НЕ НАВРЕДИ

Взгляд ректора сибирского вуза на модернизацию высшего и среднего профессионального образования в России

Россия уже много лет реформирует свое высшее и среднее профессиональное образование. Но эффективность реформ пока низка из-за размытости целей и отсутствия четких критериев оценки конечных результатов. По уровню расходов высших образовательных учреждений (включая все услуги) на одного студента Россия занимает весьма скромное место в мире (рис. 1).

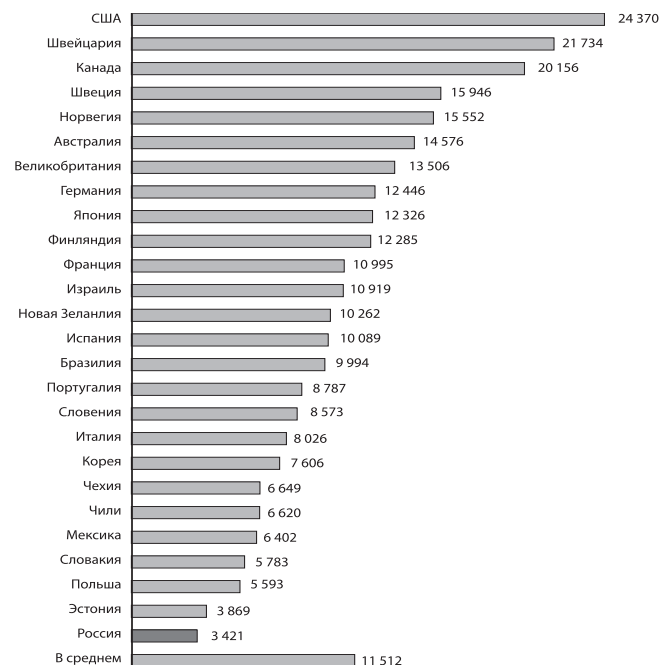

Рис. 1. Расходы высших образовательных учреждений (все услуги) на одного студента, долл. США, 2005 г.
Источник: Organization for Economic Co-operation and Development: Complete database available via SourceOECD, OECD's iLibrary (www.stats.oecd.org)

Очевидна необходимость совершенствования системы образования. Это возможно в рамках двух взаимодополняющих вариантов, которые условно можно назвать «**экстенсивный**» (А) и «**интенсивный**» (В). При этом целью реформирования, на наш взгляд, должны стать повышение эффективности учебного процесса и качества получаемых знаний и на этой основе – конвертируемость российских дипломов. При проведении реформы важно придерживаться принципа «не навреди!», то есть не допускать снижения достигнутого уровня.

Вариант А предполагает увеличение доли расходов государства на образование в общем объеме ВВП и доведение данного показателя до уровня развитых стран (рис. 2).

России необходимо ликвидировать свое отставание. Тем более что ведущие страны неуклонно наращивают расходы на образование. По сравнению с 1995 г. они увеличили бюджет образования на 40–45%, выделяя на него более 6,0% ВВП с перспективой доведения данного показателя до 8%. Аналогичная ситуация и с финансированием научных исследований (см. рис. 3).

Российской особенностью в структуре финансирования научных исследований является крайне малая доля средств, вкла-

дываемых предпринимательским сектором (примерно 30% против 60–65% в зарубежных странах). Научные исследования дополнительно финансируются, как это ни странно, не за счет средств ведущих корпораций, а собственными средствами российских университетов. Например, Байкальский государственный университет экономики и права более сотни миллионов рублей в год направляет из внебюджетных средств на развитие научных исследований.

Правительству РФ предстоит решить серьезную задачу по кардинальному увеличению финансового обеспечения образования. Тем более, что стратегия развития государства ориентирована на «экономику знаний». Высокое качество преподавательской деятельности в сфере высшего образования немыслимо без весомой поддержки научных исследований со стороны государства. Что касается среднего профессионального образования (колледжи, техникумы), то здесь главной целью является поддержка высококлассной профессиональной подготовки педагогов.

Вариант В ориентирован на реформирование образования в следующих направлениях:

– совершенствование управления образовательной системой страны;

– расширение финансирования образования и науки за счет привлечения дополнительных внебюджетных источников;

– повышение качества знаний и обеспечение их соответствия современным требованиям;

– расширение международной деятельности;

– усиление социальной роли профессиональной школы.

Совершенствование управления образовательной системой России.

В современных условиях необходимо исходить из дальнейшей децентрализации системы высшего и среднего профессионального образования. Это требует

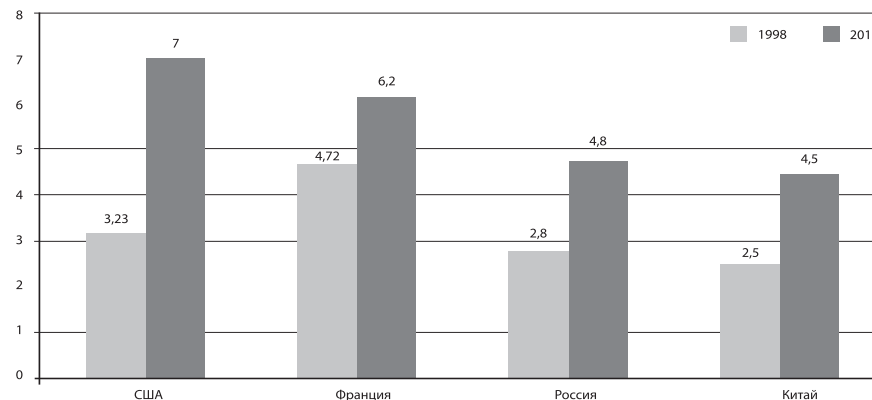

Рис. 2. Динамика расходов на образование за период 1998–2010 гг., % к ВВП страны

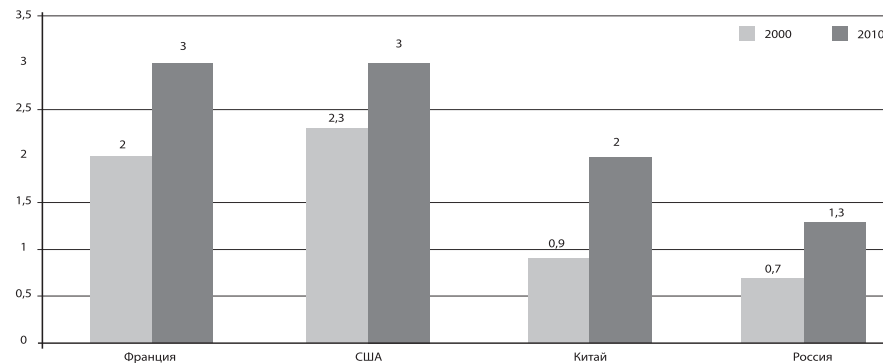

Рис. 3. Динамика внутренних затрат на научные исследования за период 2000–2010 гг., % к ВВП

предоставления широкой автономии учебным заведениям, включающей в себя финансовую, административную, учебную и международную деятельность. Министерство образования и науки РФ должно оставить за собой роль единого методического центра, координатора деятельности всех вузов, делая упор на важнейшие функции – лицензирование и аккредитацию учебных заведений.

На уровне Минобрнауки устанавливается федеральный государственный заказ на подготовку специалистов в конкретном вузе (который в общем приеме может составлять в среднем до 50%, дифференцируясь в зависимости от специальностей и потребностей государства). Кроме государственного заказа на подготовку специалистов, вузы самостоятельно разрабатывают планы приема студентов в соответствии с имеющимися у них учебной базой, кадрами преподавателей, а также рыночной потребностью в специалистах. В этом случае деятельность вуза финансируется исключительно за счет его собственных средств.

На федеральном уровне целесообразно иметь две группы университетов.

1-я группа: федеральные и инновационные университеты. Это вузы с сильной научно-исследовательской компонентой. Их задачи – формирование кадрового

потенциала науки и активная научно-исследовательская деятельность. Костяк таких вузов уже создан, однако с самого начала создания федеральных университетов был допущен серьезный просчет: чтобы создать один крупный вуз, стали объединять несколько разнолинейных вузов, подведомственных Минобрнауки РФ.

Большой новизны в этом нет, и самое главное – не достигается то, что должно было быть поставлено во главу угла – сильная научная компонента. **На наш взгляд, при формировании федеральных и инновационных университетов в их структуру необходимо вливать академические и отраслевые научно-исследовательские институты с их базой и кадрами.** Это резко усилило бы научный потенциал вузов, кроме того, начала бы эффективно работать связка: студент – аспирант – научный работник, что решило бы проблему подпитки молодежью академических научных кадров. Только при такой схеме мы достигнем искомого – создания крупных научно-образовательных и исследовательских университетов по всей территории России.

2-я группа: федеральные вертикально-интегрированные учебные комплексы (университеты).

Основная цель вузов этой группы – готовить высокопро-

фессиональных специалистов для конкретных производств, ведомств и т.д. В такие университетские комплексы включаются вузы, средние специальные учебные заведения и крупные учебные центры профессиональной подготовки. Вертикально-интегрированные университеты должны существовать как единое целое, с единым финансовым и административным центром. Большинство техникумов и колледжей, существующих на федеральном уровне (а их около 800), целесообразно включить в состав таких университетов.

Оставшуюся часть университетов, академий и институтов необходимо перевести на региональный уровень. Это будет **3-я группа** вузов. Сюда войдет большинство высших учебных заведений, которые работают на кадровое обеспечение регионов (учителя, врачи, агрономы, работники культуры и спорта и т.п.). Это самая многочисленная группа вузов. Источником их финансирования должны стать региональные бюджеты. Эти вузы войдут в структуру управления регионов, а Минобрнауки РФ будет осуществлять общее методическое руководство.

При этом необходимо ужесточить аккредитационные требования и открывать новые вузы (государственные или частные) только при условии строгого соблюде-

ния соответствующих нормативов (речь идет об учебных площадях, кадрах, научном обеспечении и т.д.). Сегодня открыты и аккредитованы более 1 тыс. частных вузов, в то время как буквально единицы из них соответствуют государственным образовательным стандартам. Большинство предприятий отказываются от выпускников таких учебных заведений. Как следствие – идет подрыв всей системы высшего образования, растет недоверие к российскому диплому.

Слабые вузы следует либо закрыть, либо присоединить к сильным, либо перевести их из группы вузов в центры переподготовки и повышения квалификации кадров. Сюда уйдут около тысячи вузов, в основном частных, так как абсолютное большинство из них не отвечает требованиям высшего профессионального образования.

В то же время необходимо снять все ограничения с государственных вузов по подготовке специалистов на платной основе. Целесообразно разработать системы не только полностью платного или бесплатного обучения, но и смешанного типа, с частичной оплатой образовательных услуг при условии хорошей успеваемости. При существующей системе студент, поступивший в вуз на бюджетной основе, все го-

ды обучается бесплатно с выплатой ему стипендии. Студент же, поступивший на платной основе, не имеет права перейти на бюджетную форму обучения, даже если он круглый отличник.

Мы предлагаем перейти на новую систему бюджетного финансирования студентов: по окончании каждого курса (с первого по четвертый), аттестовывать всех студентов на потоке и ранжировать их по рейтингу успеваемости. После этого на следующий курс (начиная со второго и т.д.) зачислять на бюджетную форму обучения только в соответствии с достигнутыми успехами в учебе. Количество бюджетных мест остается такое же, как на первом курсе, но право учиться бесплатно и получать стипендию будет ежегодно завоевывать каждый студент — независимо от формы обучения, по которой он поступил в вуз.

Это позволит, во-первых, восстановить социальную справедливость, ибо бесплатно учиться будут только сильные, талантливые студенты. Во-вторых, резко возрастет стимул к получению знаний и хорошей учебе. И в-третьих, **будет нанесен превентивный удар по коррупционным схемам поступления на бюджетные места в вузы**, которые (схемы) сегодня, в связи с введением ЕГЭ, перекочевали в школы и рай(гор)отделы образования.

Финансирование деятельности вузов целесообразно осуществлять многоканально. Финансирование 1-й и 2-й групп университетов должно осуществляться из федерального бюджета. Такое государственное финансирование будет обеспечивать реализацию государственного заказа на подготовку первоклассных специалистов для страны в целом. Сложившаяся в течение последнего десятилетия система госзаказа показала свою жизнеспособность, и нет смысла ее ломать. Для финансирования федеральных вузов следует привлечь и региональные, и муниципальные бюджеты в части удовлетворения местных потребностей в профессиональных кадрах.

3-я группа вузов должна финансироваться за счет региональных бюджетов. Региональный и муниципальные заказы особенно нужны при подготовке учителей, врачей, экологов и т.д., и региональные власти должны напрямую принимать участие в финансировании учебных заведений, в которых они готовы разместить свой заказ на подготовку специалистов.

Следующим источником финансирования высшей школы, вторым по значению, должны стать собственные средства вуза, которые складываются за счет:

— платного обучения;

— предоставления консультативных, научных и других аналогичных услуг;

— продажи научных разработок, проектов, бизнес-планов и т.д.;

— переобучения и повышения квалификации кадров;

— банковских кредитов.

Для более эффективного осуществления деятельности вузов следует освободить их от излишних ограничений и установить максимально льготные налоги (при условии рефинансирования заработанных средств в учебный и научно-исследовательский процессы). **Целесообразно вернуться к практике финансовой самостоятельности вузов, предоставив им право пользоваться банковскими кредитами. (Такая практика существовала в 1990-е годы в соответствии с Указом №1 Президента России Б.Н. Ельцина.)** Без этого невозможно реализовать ни одну программу долгосрочного развития вуза. Тогда вузы смогут развивать опытное производство, активно участвовать в научных и проектных работах, проводить комплексные обследования (по заказам предприятий) и т.д.

Опыт зарубежных стран и особенно близкого к нам Китая, где в лабораториях технологических вузов зарабатываются десятки миллиардов юаней, подтверждает перспективность данного направления, в то время как в Рос-

сии многие классические и технические университеты забыли, что технопарки являются важнейшим источником их доходов. Не-профильная подготовка юристов и экономистов на платной основе стала для технических вузов едва ли не главным источником получения внебюджетных средств.

Четвертый источник финансирования — привлечение средств спонсоров. В России этот источник пока мало работает. А вот в ряде американских вузов он достигает 25–30% бюджета учебного заведения. Проходя по территории таких вузов, нередко встречаешь вывески, свидетельствующие о том, что тот или иной корпус построен в дар университету. Чтобы такой источник заработал в России, необходимо, во-первых, пересмотреть законодательство РФ в части спонсирования и дарения, а во-вторых, сделать дар целевым, чтобы он принадлежал университетской корпорации (а не государству).

Расширение международной деятельности вузов. Международную деятельность университетов следует рассматривать с позиции продвижения и закрепления российской системы образования в мире, ее широкого распространения, повышения престижности российских дипломов.

Следует увеличить приток абитуриентов из-за рубежа в веду-

щие российские вузы, где качество подготовки по многим специальностям достаточно высокое (математика, физика, программирование и т.д.). Тем более что обучение в российских вузах относительно недорогое. Примерно, 80–150 тыс. руб. на студента в год (около 3–5 тыс. долл.).

Вследствие «демографической ямы» с 2002 г. резко уменьшился приток российских абитуриентов в вузы. За последние десять лет он сократился вдвое. Процесс этот продолжится еще несколько лет. Встает вопрос: как заполнить вузы и сохранить их? Самое простое – сократить их по примеру того, как закрывали детские сады и школы в кризисные 90-е годы. Но что дальше? Получить сейчас место для ребенка в детском саду или в школе – острейшая проблема в регионах. Вывод – необходимо сохранить полноценные вузы. И прежде всего за счет привлечения иностранных студентов. **В настоящее время это должно стать приоритетной задачей высшей школы России.** (Для сравнения: в вузах США 20% студентов – иностранцы.)

Если мы введем среднюю плату для зарубежных студентов в размере 3–5 тыс. долл. в год (без учета затрат на проживание), то она будет вполне конкурентоспособной в сравнении с ценами западных университетов и позво-

лит привлечь в страну иностранных студентов. При ежегодном приеме 150 тыс. иностранных студентов их общая численность в течение нескольких лет может достичь 700–800 тыс. чел., что позволит практически в 1,5 раза увеличить бюджет системы высшего образования. Причем по мере развития наших университетов первоначальные демпинговые цены на образовательные услуги будут возрастать и приближаться к общемировым.

Привлечение иностранных студентов на учебу в российские вузы решит несколько задач:

1. Наполнит вузы студентами в условиях демографического провала.

2. Увеличит финансирование университетов, так как обучение иностранных студентов ведется преимущественно на коммерческой основе.

3. Позволит обучать бесплатно значительный контингент молодежи России за счет более высокой оплаты обучения иностранных студентов.

4. Сделает сферу образования экспортообразующей отраслью, производящей самый «экологически чистый продукт» – интеллект.

5. Распространит российскую систему образования в мире, решая одновременно стратегические задачи по усилению поли-

тического и гуманитарного влияния России. А лучшие головы иностранных специалистов, подготовленных в российских университетах, могут быть востребованы в самой России.

Усиление социальной роли профессиональной школы. Вузы и сузуы решают сегодня не только образовательную, но и важнейшую социальную функцию, обеспечивая «занятость» 16–20-летних юношей и девушек в условиях высокой безработицы и маргинализации молодежных групп. Для поддержания этой функции образовательных учреждений целесообразно формировать государственный и муниципальный заказы на подготовку специалистов на уровне 35–50% от

общего количества выпускников школ. Емкость приема молодежи в вузы, по нашим расчетам, должна быть в 2–3 раза выше федерального заказа, при этом дополнительный прием должен происходить на платной или, как мы уже говорили, на частично платной основе.

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что у большинства высших и средних профессиональных учебных заведений, выживших в условиях экономического и демографического кризисов, есть значительные возможности для устойчивого и динамичного развития на благо России и ее модернизации.

«Вузовский вестник», №9,
1–15 мая, 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	3
С самобичеванием надо покончить	
Пора прекращать массовые нападки на высшую школу!	7
С самобичеванием надо покончить быстро и решительно!	11
Как поднять престиж российских вузов	
Как поднять престиж российских вузов	21
Как оценивать эффективность вузов	27
Дайте свободу вузам!	
Нужно вернуть свободу вузам	35
Дайте свободу вузам!	48
В рамках свободы	58
Университеты всегда были колыбелью демократии	63
Образования не бывает много	
Образования не бывает много	69
Сизифов труд не может быть созидательным	74
Разговор в Татьянин день	80
Реформируя, не навреди	
Осознанная необходимость	93
Те ли показатели?	105
ВАК: что делать?	116
Реформируя, не навреди	119

Михаил ВИНОКУРОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ТРИБУНА:
ОБРАЗОВАНИЯ НЕ БЫВАЕТ МНОГО

Подписано в печать 19.03.2014
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 8
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.
Заказ №

Отпечатано в ОАО «Лин-Интер»
г. Москва, ул. Дубнинская, дом 83А.
Телефон: +7 (495) 775-05-87